

ЗНАКИ С У Д Ъ Б Ы

Татьяна Корсакова

Знаки судьбы

Татьяна Корсакова

Проклятый дар

«Автор»

2012

Корсакова Т. В.

Проклятый дар / Т. В. Корсакова — «Автор», 2012 — (Знаки судьбы)

Как часто счастье и беда ходят рука об руку! Ася смогла убедиться в этом, когда на костер ее внезапно вспыхнувшей любви обрушился ледяной ветер ненависти, ведь чтобы спасти своего возлюбленного, девушке пришлось заключить союз с чуждыми человеку силами. Ася прошла через многие испытания, преодолела страх, не раз рисковала собственной жизнью, и за эту смелость ей дан особый дар. Только вот принесет ли он счастье?

Содержание

Ася. 1943 год	5
Ася. 1943 год	12
Ася. 1943 год	20
Ася. 1943 год	28
Ася. 1943 год	33
Ася. 1943 год	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Татьяна Корсакова

Проклятый дар

Ася. 1943 год

Асю разбудил грохот. Как была, босиком и в ночной сорочке, лишь накинув на плечи батину телогрейку, она выскочила во двор.

Небо над Сивым лесом горело и вздрагивало от пулеметных очередей, на сером предрасветном фоне черные силуэты самолетов были похожи на гигантских летучих мышей.

– Ой, лишенько, – послышался за спиной испуганный мамкин голос. – Подбили, ироды!

Мама стояла на крыльце так же, как и Ася, полуголая и босая. Запрокинув бледное лицо к небу, она крестилась и шептала что-то неразборчивое, наверное молитву.

Комсомолка Ася в силу молитв не верила и этой мамкиной набожности даже стеснялась. Бог тут не поможет, а кто поможет, она не знала, просто испуганно всматривалась в мечущиеся в небе черные тени, прислушивалась к вспарывающим тяжелые апрельские тучи пулеметным очередям и пыталась разобрать, какая же из теней своя.

Советские самолеты прилетали в их глухой, оккупированный фашистами край очень редко, всегда под покровом ночи. Девушка слышала, как мужики шептались про Сивый лес, партизан и диверсии, а еще про помощь. Что это была за помощь, Ася никогда не спрашивала, не маленькая уже, сама все прекрасно понимает. В Сивом лесу, в самых глухих его уголках, прячутся партизаны. Да что там прячутся! Глупость какая! Борются с фашистскими гадами, устраивают диверсии, подрывают вражеские поезда, приближают, как могут, победу. Вот к ним, партизанам, и летают самолеты. Наши самолеты...

– Ася, иди бы ты в хату, донька! – Мама перестала креститься, ее стиснутые в кулаки руки были прижаты к груди, а в глазах стояли слезы.

Самолетов было четыре, три вражеских и один наш. Мамка оказалась права, наши подбили. Теперь он летел низко-низко, едва не касаясь крыльями старых сосен, оставляя за собой дымно-огненный хвост...

– Прыгай! – взмолилась Ася, до рези в глазах всматриваясь в небо. – Ну прыгай же, родненький!

– Ася, иди домой! – Мама обняла ее за плечи, потянула назад в хату. – Мы ему ничем не поможем, только беду накличем.

Подбитый самолет раненой птицей пикировал вниз, в самую лесную чащу. А может, и не в лес вовсе, а в самую топь. Отсюда, с крыльца, невозможно было точно понять, где заканчивается лес и начинается болото. Самолет падал, фашистские «мессеры» кружились над ним, точно стервятники, не оставляя летчику ни малейшего шанса на спасение.

– Ну прыгай же! – заорала Ася во все горло, и в ту же секунду мама испуганно зажала ей рот рукой.

– Донька, что ж ты творишь? Себя не жалеешь, других пожалеи. Вдруг услышат?..

– Пусть! – Ася вырвалась из маминых объятий, снова запрокинула голову к небу. Там, среди туч и огненных вспыхиваний, распускался гигантский серый цветок. Одуванчик – подумалось некстати, маленький, беспомощный одуванчик. Парашют планировал медленно, слишком медленно. Не успеет...

– Не успеет... – эхом повторила мама. – Господи, да что же это?..

– Успеет! – Ася упрямо тряхнула головой. – Мама, это же военный летчик! Наш летчик! Мама, он не может погибнуть вот так!

Точно в насмешку над ее наивной верой, купол парашюта схлопнулся, и летчик камнем полетел вниз...

– Вот и все. – Мама снова перекрестилась. – Донька, не нужно тут стоять, пойдем в дом.

– Мам, – Ася шмыгнула носом, – мам, а если он живой еще?

– Не живой. – Мама крепко сжала ее руку и потянула в хату. – Ася, ты видела, с какой высоты он упал? Ты видела, куда он упал? Это же дрыгва¹, Ася! – Уже в сенях она замерла, внимательно всмотрелась в лицо дочери, а потом сказала: – Если жив, его наши найдут, не бросят.

– Не бросят. – Девушка поежилась от прокравшегося в дом предрассветного холода. Партизаны летчика ни за что не бросят. А вот найдут ли? Потому что одно дело – искать кого-то в лесу, и совсем другое – на Гадючем болоте. Даже старожилы не всегда могут четко определить, где заканчивается одно и начинается другое. А сейчас еще и половодье...

Секунду-другую мама внимательно и тревожно смотрела на дочь, а затем кивнула своим мыслям, сказала устало:

– Зорьку пойду подою. Все равно теперь уж не уснуть. А ты, если хочешь, поспи. Рано еще.

– Посплю. – Ася кивнула, вслед за матерью прошла из сеней в хату, прислонилась к теплому печному боку, прикрыла глаза. – Я тут на припечке полежу. Что-то холодно.

Мама оделась быстро. Натянула юбку, кофту, сунула ноги в галоши, повязала на голову платок, набросила телогрейку, уже выходя из хаты, еще раз внимательно посмотрела на Асю, хотела было что-то сказать, но лишь молча покачала головой.

Как только за ней захлопнулась дверь, Ася отклеилась от печи, заметалась по комнате, собираясь. Действовать нужно было быстро, пока мама не подоила Зорьку. Одежда, сапоги, телогрейка... Краюха хлеба, кусок сала, икалик с самогоном, чистый рушник, если вдруг придется перевязывать раны. Вот, кажется, и все. Наверное, нужно написать маме записку, но на это уже не осталось времени. Сбитого летчика могут искать не только партизаны, но и фрицы.

Ася сунула припасы в торбу, торбу – себе за пазуху, для надежности. Оно-то, конечно, время раннее, но осторожность лишней не будет. Мало ли кто повстречается, какие станет задавать вопросы. На вопросы Ася уже и ответ придумала: идет с гостинцами к бабе Малаше в соседнюю Васькавку. Васькавка как раз на другом краю Сивого леса, если не углубляться в чащу, а шагать краем. Баба Малаша – мамкина двоюродная тетка, одинокая и старая, ей помощь нужна.

Из дому выйти незамеченной удалось, а вот из деревни... Ася была уже у поселкового кладбища, покосившимися крестами и старыми могилами врастающего в опушку Сивого леса, когда ее окликнули:

– Эй, красавица, далеко собралась в такую-то рань? – Захар Прищепин, поселковый староста и первейший фашистский прихвостень, опирался на деревянную палку и смотрел на Асю с внимательным прищуром.

Ася мысленно застонала, потому что хуже Захара мог быть только какой-нибудь фашист. Да еще и не факт, что хуже. Фашист по-нашему не понимает, да и нет ему дела до какой-то местной девчонки, а Прищепину до всего дело есть.

Стараясь не смотреть на деревянную чурку, еще в ранней молодости заменявшую Захару потерянную ногу, Ася улыбнулась.

– И тебе доброго здоровьечка, Захар Степанович. К бабе Малаше я, спину у нее прихватило.

¹ Дрыгва – трясина (белорус.).

– А под фуфайкой что? – Вот ведь ирод, ничего-то от него не утаишь!

– Да так, гостинцы. – Чувствуя, как по спине стекают холодные ручейки, Ася из последних сил старалась выглядеть беззаботной.

– Гостинцы, говоришь? – Захар подошел вплотную. Молодой, статный, красивый – если бы не больная нога, быть бы такому на фронте, а он тут фашистским прихвостнем. И плевать, что люди говорят, что Прицепин на фронт самый первый рвался. Рваться, может, и рвался, да вот только сейчас он не советский человек, а доверенное лицо у фрицев. Староста... – А не покажешь гостинцы-то?

– А тебе зачем? – Ася отступила на шаг, но Захар поймал ее за рукав телогрейки, с силой потянул к себе.

– А я просто так интересуюсь, на всякий случай. – Черные цыганские глаза смотрели с неверием. – Показывай!

Высвободившись из цепких лап Прицепина, Ася вытащила из-за пазухи торбу. Захар изучал ее содержимое с мрачным пристрастием, а потом спросил:

– А самогон зачем?

– Для притирок! – сказала Ася зло. – Я же говорю, у бабы Малаши спину скрутило. – Она выдернула торбу из рук старосты, сунула обратно за пазуху. – Ну что, теперь мне можно идти, Захар Степанович?

Это еще хорошо, что руиник обмотала вокруг талии, а так бы пришлось выдумывать, зачем бабе Малаше руиник...

– Видела, над Сивым лесом самолет сбили? – вдруг ни с того ни с сего спросил Захар.

– Ничего я не видела! – Ася на старосту не смотрела, старательно застегивала пуговицы на фуфайке.

– А я видел. Летчик вроде бы успел выпрыгнуть...

– Это ты к чему? – Липкие лапы страха снова коснулись кожи между лопаток.

– Это я к тому, что герр Фишер приказал организовать в лес поисковую экспедицию. – Захар помолчал, рассматривая пуговицы на Асиной фуфайке, а потом продолжил: – С собаками и пулеметчиками.

– И зачем ты мне все это рассказываешь, Захар Степанович? – Ася поежилась.

– Да просто так, чтобы не попалась по бабьей своей дури им на пути.

– Я в Васьковку иду! – Она с вызовом вздернула подбородок. – Мне ваш лес без надобности.

– Это хорошо, что без надобности. – Захар растянул губы в холодной усмешке, черные глаза недобро блеснули. – Бабе Малаше привет передавай и пожелания скорейшего выздоровления.

– Непременно!

Не дожидаясь, пока староста скажет еще хоть слово, Ася обошла его по большой дуге и едва ли не бегом бросилась прочь. Принесла же нелегая волка колченогого! Еще чего доброго станет у бабы Малаши интересоваться, приходили ли к ней гости. Видать, надо будет зайти, чтобы не было никаких подозрений...

Ася шла по склизкой после прошедшего ночью дождя дорожке и спиной чувствовала направленный на себя взгляд Прицепина. Хоть бы он про фрицев с собаками сбрыхал...

* * *

– ...А вот тут у нас четырнадцатая палата. – Петрович, совершенно спитого вида дядька в лоснящемся от бесконечного и бесконтрольного употребления халате, остановился перед обитой коричневым дерматином дверью, в которой как раз на уровне глаз имелось забранное мелкой решеткой окошко.

«Прямо как в тюрьме», – недобро подумалось Матвею.

– Это для буйных, что ли? – спросил он, с отвращением рассматривая некогда позолоченную, а сейчас облезшую дверную ручку.

– Ну как сказать?.. – Петрович пожал сутулыми плечами, шмыгнул красным, усыпанным сосудистыми звездочками носом. – Можно и для буйных. Оборудована она как надо, сам видишь. – Он с непонятной гордостью кивнул на окошко. – Но вообще-то это блатная палата, ее сам главврач ведет. Так что тут всякие клиенты встречаются: то буйные, то тихие, но все непростые – вот!

– А сейчас там кто? – спросил Матвей устало.

Двухчасовая экскурсия по этой образцово-показательной частной психиатрической лечебнице уже успела вселить в душу тоску и уныние. Может, лечебница и в самом деле образцово-показательная – никаких других Матвею видеть вообще не доводилось, – но до чего ж мрачная! И вот странное дело: вроде бы сделано все на совесть, даже как-то нарочито красиво и радостно, стены выкрашены в веселый небесно-голубой цвет, линолеум на полу вполне себе новый и чистый, цветочки в кадках, жизнеутверждающие плакатики в красном уголке, шторы канареечного оттенка, но вот отчего-то сразу понятно, что место это необычное, насквозь пропитанное людскими страданиями и годами копившимся, уже почти коллективным, душевным нездоровьем. Может, из-за запаха? Неистребимой, с самого порога шибящей в нос смеси дезсредств, лекарств и безнадежности. Какая именно нота отвечала за безнадежность, Матвей пока не вычленил, но четко понимал – в этом старом трехэтажном особняке она поселилась давно и, по всей вероятности, надолго. Ладно, экскурсию бы Матвей как-нибудь пережил, за свои неполных тридцать он и не такого успел навидаться, но тут ведь не экскурсия! В этом неприятном месте, ловко маскирующемся под элитное лечебное заведение, ему предстояло работать санитаром. Отныне у него в коллегах спившийся Петрович, а в начальниках лохотип с бегающими глазками и самодовольной физиономией. Как там его? Егор Васильевич Стешко, кажется. Молодое дарование, светило психиатрии и подающий какие-то там надежды научный сотрудник.

Главврач Матвею не понравился с первого взгляда, было в нем что-то неправильное, ненастоящее, точно за личиной добропорядочного и всеми уважаемого гражданина прятался не совсем адекватный тип. Матвей даже мысленно окрестил его доктором Джекилом, а потом устыдился своих поспешных выводов. Ведь вполне может статься, что на лицо молодого дарования и светила психиатрии наложила отпечаток специфика его работы, этакая профвредность. Вот только уж больно он молод, чтобы пострадать от профвредности. Сколько ему? На вид двадцать пять – двадцать семь, не больше. Сопляк, а уже при регалиях. Не иначе как блатной...

– Алена Михайловна там сейчас. – Всю дорогу балагуривший и сыпавший медицинскими байками Петрович вдруг приосанился и на мгновение стал похож не на конченого пропойцу, а на вполне нормального мужика.

– А Алена Михайловна у нас кто? – поинтересовался Матвей, пытаясь поверх плеча Петровича заглянуть в забранное решеткой оконце.

– Из наших она, из медиков. – Петрович отчего-то досадливо покачал лысеющей головой. – Доктор она... была. Вроде бы даже с главным на одном курсе училась. Оттого он ее к себе и взял по старой дружбе, из профессиональной солидарности, так сказать. Это ж дорого сейчас – лечиться в стационаре. Да еще таком, как этот. Так что сам видишь...

Матвей еще раз посмотрел на дерматиновую дверь с тюремным окошком и подумал, что солидарность какая-то уж больно сомнительная. Интересно, как к ней относится сама Алена Михайловна?

– А чего она у вас отдельно? – спросил он, понизив голос до шепота. – Совсем, что ли, буйная?

– Сам ты буйный! – с укором сказал Петрович. – Нездоровая она, вот что! Нездоровая! А что буйная, так не все время. Егору Васильевичу удалось правильное лечение подобрать, сейчас уже получше все.

Что получше, Матвей спрашивать не стал, вместо этого задал другой вопрос:

– Эта блатная палата тоже в нашем ведении?

– Ага, – Петрович положил заскорузлую, похожую на корягу ладонь на дверную ручку. – Раньше тут Григорьевна управлялась, но пару месяцев назад решили, что мужчине ловчее будет. Особливо после того, как Алена Михайловна...

Что такого сделала пациентка блатной палаты с санитаркой Григорьевной, Петрович так и не сказал, вместо этого порылся в карманах халата и вытащил на свет божий увесистую связку ключей. На связку Матвей посмотрел с нескрываемым удивлением. Как объяснил сам Петрович, в целях безопасности почти все двери в отделении не имели ручек и открывались универсальным ключом, дубликат которого был в наличии у каждого медработника – от лечащего врача до санитара. Нормальных дверей в этом ненормальном месте раз-два и обчелся... Тогда зачем же столько ключей?..

– Люблю я, понимаешь, это дело. – Петрович с нежностью посмотрел на свою связку. – И они меня любят. Веришь, не я их нахожу, они сами меня находят. Иду, а они то под ногами, то просто в замках забытые. Как же можно бросить? Это ж плохо, когда они бесхозные...

Да, бесхозные ключи – это плохо, хуже может быть, только когда санитар обращается со своими железками как с живыми...

А ведь Галка предупреждала! Специально статьи подсовывала со всякими психиатрическими страшилками, пыталась отговорить. Да только он не из пугливых, у него, может быть, своих собственных странностей на половину этой психушки хватит.

– Петрович, а мы в блатную палату зайдем? – спросил Матвей, отчасти чтобы перевести разговор в более конструктивное русло, а отчасти из-за того, что устал стоять перед закрытой дверью.

– А ты думаешь, я тебя сюда привел, чтобы свою коллекцию показать? – Санитар с неуловимой для взгляда проворностью выцепил из связки нужный ключ, вставил его в замочную скважину, а потом, через плечо оглянувшись на Матвея, строго сказал: – И чтобы мне это... С уважением чтобы! И не пялься на нее, она этого не любит.

– Не буду пялиться, – заверил Матвей, но, оказавшись в блатной палате, тут же забыл о своем обещании.

Палата была самой обыкновенной. Он уже мысленно приготовился узреть обитые стегаными матами стены и стопку смиренных рубашек, но вместо этого увидел железную кровать, белую тумбочку и небольшой стол с россыпью изрисованных черным бумажных листов. Скорее даже не изрисованных, а исчерканных – дергано, хаотично и совершенно безумно. Петли, загогулины, силуэты, смутно похожие то на человеческие, то на птичьи, мотыльки с изломанными крыльями. Пикассо отдыхает... Такие же петли, силуэты и крылья были выпарапаны чем-то острым на стенах. Даже странно, вроде бы буйным не должны давать в руки ничего колюще-режущего...

– Григорьевна как-то ложку алюминиевую забыла, – шепнул Петрович. – Утром пришла – а стены вот такие. Наверное, всю ночь работала.

Он так и сказал – работала, как будто эту наскальную живопись можно называть работой, как будто это не вернейшее подтверждение психического нездоровья милейшей Алены Михайловны.

Матвей так увлекся разглядыванием абстракции на стенах, что внимание на пациентку обратил далеко не сразу, а когда обратил, то уже не смог оторвать взгляда. А Петрович говорил не пялиться...

Она была сумасшедшей, настоящей, стопроцентной сумасшедшей, именно такой, какими их описывают в книгах и изображают в психологических триллерах. Не просто худая, а с той болезненной худобой, которую не может скрыть даже мешковатая больничная одежда. Тонкая шея, узкие запястья, нервные пальцы, выпачканные чем-то черным. Матвей не сразу понял, что это художественный уголь. Наверное, после инцидента с ложкой карандаши и ручки у нее забрали, а может, и вообще не давали. Но даже не худоба и не чересчур подвижные, точно живущие своей собственной жизнью пальцы кричали о душевном нездоровье пациентки из четырнадцатой палаты. Чтобы убедиться в этом окончательно и бесповоротно, достаточно было заглянуть ей в лицо.

В отличие от рук лицо оставалось совершенно неподвижным, лишенным мимики и хоть какого-нибудь выражения, живыми на этом лице-маске оставались только глаза. Да и живыми ли? У нормального человека просто не может быть такого взгляда. Увлекающаяся фотографией Галка назвала бы его расфокусированным, но у Матвея имелось свое определение. Взгляд пациентки был направлен в никуда. Она не просто смотрела сквозь них с Петровичем, она, казалось, видела что-то позади них. Или даже в них самих, но эта идея казалась уж совсем бредовой, и Матвей ее решительно отринул, сосредоточившись на необычном сине-зеленом цвете радужки, на совсем не по-девчоночьи коротких, но таких черных и таких густых ресницах, что глаза казались густо подведенными, на остром, припорошенном бледными веснушками носу, сосредоточенно поджатых губах, небрежном мазке угля на правой щеке и коротких, неаккуратно подстриженных каштановых волосах. Эта прическа с убийственно короткой челкой а-ля Жанна д'Арк наводила на невеселые размышления не хуже, чем расфокусированный взгляд и пальцы, с отстраненной сосредоточенностью кромсающие на мелкие кусочки лист бумаги. Сумасшедшая... пожалуй, самая сумасшедшая из всех здешних пациентов. Классика жанра...

– А мы вот пришли поздороваться. – Петрович деликатно откашлялся и ткнул Матвея в бок, наверное, чтобы не паялся. – Алена Михайловна, вы сегодня чудесно выглядите.

Это лживое «чудесно выглядите», адресованное женщине, которая и на женщину-то не особо похожа, окончательно утвердило Матвея в мысли, что сохранить душевное здоровье, работая в таком неприятном месте, дано не каждому. А Галка предупреждала, что и его такое ждет. Может, она и не ошибалась, но деньги им нужны до зарезу, и тут уж не до жиру. Поработает в психушке, с него не убудет...

– А на улице сегодня погода такая замечательная, – продолжал заливаться соловьем Петрович. – Вот просто райская благодать. Через часик непременно сходим на прогулку. Да, Алена Михайловна?

Как и следовало ожидать, Алена Михайловна промолчала, но кромсать бумагу перестала. Наверное, санитар расценил это как добрый знак и продолжил уже другим, гораздо более бодрым голосом:

– Я вас познакомить хотел с нашим новым... сотрудником. – Он дернул парня за рукав, подтаскивая поближе к несчастной. – Алена Михайловна, это Матвей, мой напарник. Я его уже проинструктировал, он вам докучать не станет. Не станешь же? – он снова дернул Матвея за рукав.

Вместо ответа Матвей лишь неопределенно пожал плечами. Вот уж сомнительное удовольствие – добиваться внимания сумасшедшей.

– Он не станет! – уверенно заявил Петрович. – Только в рамках инструкций, – добавил чуть тише. – Вы же, Алена Михайловна, сами врач, должны понимать, что без инструкций никак.

Если бывший врач Алена Михайловна что-то и понимала, то виду не подавала, вместо ответа она принялась заплетать в косицу полоски бумаги. Взгляд ее по-прежнему оставался расфокусированным. Жуть, одним словом...

Смотреть на пациентку не было никаких сил, и Матвей устался на окно палаты. Наверное, потому, что палата номер четырнадцать находилась на первом этаже, а может, и согласно инструкциям, окно было забрано решеткой, но не простой, а ажурной, выкрашенной в белый цвет. Блатная решетка для блатной палаты. Но имелось и еще кое-что, приковавшее к себе внимание Матвея: стекло было усеяно трупиками мотыльков. Это выглядело так, словно насекомые на максимальной скорости врезались в окно. Странно...

– Едва ли не каждый день приходится мыть, – проследив за его взглядом, шепотом сказал Петрович. – Вот прямо как медом им тут намазано, летят и летят. Как только снег сошел, так и полетели. А зимой так и в палате появлялись. А это плохо, – добавил он совсем тихо.

– Почему плохо? – так же шепотом поинтересовался Матвей.

– Мне кажется, она их боится. – Петрович кивнул на стены. – Видал, как страхи свои проецирует?

На какое-то мгновение Матвею показалось, что Петрович не просто санитар, а спившийся психиатр, наверное, из-за этого мудреного выражения про проецирование страхов, но сменщик тут же совсем неизящно шмыгнул красным носом, и наваждение развеялось. Хотя с мотыльками все равно странно.

– И на прогулке вокруг нее всегда выются, – добавил санитар, – но тех она не боится.

– Это почему?

– Потому что те дневные, а эти ночные, – ответил Петрович как-то совсем уж невпопад. Сказал и засуетился, забежал глазами по палате, а потом произнес, как показалось Матвею, даже с легким полупоклоном: – Ну, Алена Михайловна, мы пойдем? Я позже загляну, когда придет время на прогулку собираться. Может, вам нужно что? Так вы скажите.

– Выключите свет, – сказала Алена Михайловна, и Матвей, почти привыкший к ее неприсутствию в этом мире, от неожиданности вздрогнул.

– Что? – Петрович подался вперед, точно не расслышал слов пациентки.

– Выключите свет, – повторила та. – Когда нет света, они не летят. А со светом летят и разбиваются... У них хрупкие крылья, они ломаются. Понимаете? – Расфокусированный взгляд всего на мгновение остановился на Матвее, и от этого ему стало не по себе. – Им, наверное, что-то нужно от меня, а я не понимаю, что... – Пациентка вздохнула, закрыла грязными ладонями лицо. Бумажная косичка с тихим шорохом спланировала на пол.

– Видно, не помогло лечение, – с жалостью сказал Петрович. – А мы-то уже обрадовались. Выключим свет, Алена Михайловна! Раз просите, непременно выключим! Вот прямо сейчас! – Он решительным шагом направился к выключателю и даже постучал по нему пальцем. – Все! Нету света! Не потревожат они вас больше!

– Не потревожат? – Ярко-синий глаз блеснул в просвете между тонкими пальцами. – Вы так думаете, Иван Петрович?

– Я в этом уверен! – Петрович приосанился и посветлел лицом. – Ну, вы отдохните пока, порисуйте... а мы пойдем. Дела у нас еще...

Он говорил и пятился к двери, волоча за собой Матвея, и, лишь оказавшись в коридоре и повернув в замке ключ, выдохнул вроде как с облегчением.

– Обалдеть... – только и смог пробормотать Матвей.

– Не то слово. – Санитар пошарил в кармане халата, вытащил помятую пачку сигарет и вопросительно посмотрел на Матвея. – Покурим, что ли, напарник?..

Ася. 1943 год

С веток прямо за шиворот сыпались холодные капли, а под ногами громко хлюпала грязная жижа. Впопыхах собираясь на выручку неизвестному летчику, Ася совсем забыла, каким непроходимым может быть Сивый лес весной. Да еще такой половодной весной...

Нет, она не боялась леса. Сказать по правде, она даже Гадючьего болота, того самого, в глубь которого опасались заходить даже старожилы, не боялась. Она вообще считала себя храброй и решительной, может, решительнее некоторых мужиков. Она бы и на фронт непременно пошла, накинула бы себе пару годков и пошла, вот хоть бы санитаркой! Или в партизаны! Минувшей зимой задали они фрицам жару, а в марте так и вовсе прямо в Васьковке подорвали машину с фашистским полковником, тем самым, который в октябре приказал дотла сжечь вместе с жителями соседнюю Малую Слободу... И если бы не партизаны, так бы он и топтал землю безнаказанным, гад такой...

Правда, сразу после нападения на немецкого полковника все окрестные деревни замерли в испуганном ожидании. Мамка спешным порядком отправила Асю в райцентр к тетке. Ничего не объяснила, просто, как только до их родного Студенца дошел слух о случившемся в Васьковке, наскоро собрала вещи дочери и велела ей не возвращаться из города до тех пор, пока она сама за ней не придет. Мучительных двадцать пять дней Ася не находила себе места, ждала и боялась дожидаться страшных вестей из дома. Бог миловал! Так сказала мама, когда появилась на пороге теткиной хаты. За те дни, что они не виделись, мама сильно осунулась и, кажется, постарела.

– Бог миловал, донька! – Она устало опустилась на лавку, скинула обувь и снизу вверх поглядела на Асю.

– Обошлось? – Ася села рядом, обняла маму за плечи.

– Гражданских не тронули.

– А кого тронули? – Сердце забилося быстро и испуганно.

– Сивый лес бомбили. – Мама опасливо покосилась на запертую дверь, продолжила громким шепотом: – Федос Прокопчик сказал, что из наших двадцать человек полегло. Алеся, младшенького его, контузило сильно.

Ася испуганно поежилась. Если дядька Федос сказал, значит, так оно и есть, потому что у него в партизанах – два сына и зять. И сам он уже давно ушел бы в леса, если бы не парализованная жена. Значит, бомбили...

– Асенька, страху столько было. – Мама стянула с головы платок, вытерла им влажный от пота лоб. – Васьковских на рассвете к сельсовету согнали, автоматчиками окружили... Стариков, детей – всех. Как в Малой Слободе... Но обошлось, смиловился Господь. Баба Малаша рассказывала – шесть часов под автоматными дулами людей продержали, а потом пригрозили, что будут расстреливать каждого, кого заподозрят в связи с партизанами, и отпустили...

Тот разговор каленым железом впечатался в Асину память. Разговор, испуганные мамины глаза, тонкие пальцы, комкающие платок, и плохо скрываемая дрожь в голосе. Именно тогда девушка окончательно поняла, что станет помогать партизанам. Она даже решилась на разговор с дядькой Федосом. Хотя какой разговор?! Не получилось у них никакого разговора. На робкую Асину просьбу зачислить ее в партизанский отряд рябое лицо дядьки Федоса налилось кровью, а руки потянулись к ремню.

– В партизаны?! – заревел он. – А я вот тебя сейчас как перетяну по мягкому месту! Ишь что удумала, дуреха! В партизаны ей захотелось...

Наверное, дядька Федос выполнил бы свою угрозу, если бы из-за выцветшей занавески, за которой стояла кровать его жены, тети Люси, не послышался умоляющий голос:

– Федос, что ты кричишь?! Себя не жалко, девку пожалеи!

– Девку пожалеть? – Он обвел комнату невидящим взглядом, а потом сказал уже спокойнее: – Так я ж ее, дуру такую, и жалею. Она ж думает, что в партизанах перники² раздают. А там, Аська, не перники, там свинец. – Он устало опустился на лавку, поскреб лысеющую макушку и продолжил: – Ты вот что... ты, Аська, про этот разговор забудь. Не знаю я, где партизанский отряд. Не знаю. А если бы и знал, так не сказал бы. О матери своей подумай. А ну как батя с фронта не вернется и ты в болотах сгинешь...

– Батя вернется, а я не сгину! – буркнула Ася, выбегая из негостеприимной хаты дядьки Федоса.

– ...Не сгину! Я болота получше вашего знаю! – Ася зло пнула ногой хилую березку и тут же зашипела от просыпавшейся с ее веток росы. – Не сгину, – упрямо повторила она, кутаясь в телогрейку и поудобнее пристраивая за пазухой торбу с припасами.

– Сгину... – эхом отозвался Сивый лес. – Сгину-у-у-у...

– А вот хрен вам! – Ася развернулась лицом к чаще, погрозила кулаком.

На мгновение, всего на долю секунды, ей показалось, что черные еловые лапы вздрогнули. Померещилось. Или зверь какой. Мало ли в Сивом лесу зверей! И вообще, нечего тут стоять, раненый летчик долго ждать не сможет! О том, что вполне может стать так, что ее вообще никто не ждет и что вылазка эта глупая и бесполезная, Ася старалась не думать. Едва не по колено проваливаясь в вязкую, сочащуюся талой водой землю, она упорно шла в глубь леса, не обращая внимания на усиливающееся с каждым шагом чувство, что за ней кто-то наблюдает.

Некому тут наблюдать! Были бы партизаны, так давно бы уже вышли. Да она бы их услышала раньше, чем они ее, потому что Ася с ранних лет в лесу, батя ее еще совсем маленькой с собой на охоту брал и всему обучал, что сам ведал. А знал он об этих местах много, еще от своего отца, Асиного деда.

Чтобы окончательно убедиться, что вокруг нет ни единой живой души и бояться совершенно нечего, Ася замерла и, сдернув с головы платок, прислушалась.

...Она ошиблась. Издалека, может, даже с самой лесной опушки, доносился собачий лай. Не сбrehал Захар...

Подгоняемая лаем и собственным страхом, Ася бросилась вперед, к тонкой меже между лесом и болотом. Сбитого летчика нужно искать именно там, а на болото фрицы не сунутся. Раньше никогда не совались...

Тропка после зимы была почти незаметной, но Ася знала, где ее искать, оттого, видно, нашла очень быстро. Раньше такими вот тропами, обозначающими периметр и лишь кое-где немного углубляющимися в дрыгву, было прочерчено все Гадючье болото, на котором росла самая знатная в округе клюква, а сейчас троп этих осталось совсем мало. За клюквой уже давно никто не ходил... И не из-за войны, Гадючье болото считалось недобрый местом еще задолго до Асиного рождения. Студенецкие, васьковские и слободские отваживались собирать ягоды только у самого его края, никогда не углубляясь далеко и уж тем более не забираясь на Гадючий остров.

Да и был ли он вообще, этот остров, который, по преданиям, сторожат огромные змеи?! Про него много рассказывали, некоторые особо брехливые хлопцы хвалились, что побывали на Гадючем острове и даже прошли сквозь гадючий туман, но Ася твердо знала – врут! Если даже ее бесстрашный батя ни разу там не бывал, то куда уж остальным?! А вот про туманы истинная правда. Таких густых и страшных туманов, как над Гадючьим болотом, не встретишь ни в каком другом месте. Именно из-за них и сгинуло в дрыгве столько народу, из-за непроглядной мути, в которой не видно собственной вытянутой руки, не то что болотной

² Перники – пряники (белорус.).

тропы. А огромные гадюки, выползающие из тумана и утаскивающие в топь всякого, кто отважится нарушить невидимую границу, – это фольклор, сказки! Нет никаких туманных гадюк, есть людская привычка к преувеличениям.

Странное дело, Ася не верила в сказки, но с каждой секундой на душе становилось все тревожнее. Может, от усиливающегося собачьего лая за спиной, а может, оттого, что тропка совсем исчезла и пробираться теперь приходилось почти наугад, прощупывая зыбкую землю перед собой подобранной еще в лесу длинной палкой. Теперь ледяная болотная жижа хлюпала не только под ногами, но и в сапогах. Пальцы сначала болели от холода, а сейчас совершенно онемели. Наверное, это было плохим признаком, наверное, следовало что-то предпринять, разжечь огонь и хоть как-то согреться, но костер в ее положении был непозволительной роскошью, потому что теперь помимо залиvistого собачьего лая она уже отчетливо слышала и гортанную немецкую речь. Фашисты были уже близко, они не слыхали сказок про Гадючье болото и ничего не боялись.

Ася тоже уже не боялась. Теперь она шла, точно заведенная, не особенно понимая, куда и зачем идет. Холод от ног поднялся, кажется, к самому сердцу, притормаживая его размеренный ритм, прибавляя обессилевшую девушку к земле.

Про икалик с самогоном она вспомнила, уже почти теряя сознание. Сбитому летчику он, может, и не пригодится, а вот ей понадобится точно. После трех жадных глотков желудок обожгло огнем, а на глазах навернулись слезы, но, странное дело, в голове прояснилось.

Рукавом телогрейки девушка стирала злые слезы, когда увидела сначала грязно-серый парусиновый остров, а потом неподвижно лежащее прямо в холодной воде тело. Вот она и нашла своего летчика...

* * *

Они сидели в маленьком, но очень уютном больничном парке, под старой яблоней на выкрашенной в салатовый цвет скамейке, и молча курили. Петрович думал о чем-то своем, а Матвей исподтишка рассматривал больничное хозяйство. Территория была ухоженной, чувствовалось, что доктор Джекил придает немалое значение не только лечебному процессу, но и хозяйственной части. Аккуратные деревянные беседки, подстриженные кусты, побеленные бордюры и стволы яблонь, перед главным входом – скульптурная композиция, абстрактная до такой степени, что у Матвея закралась мысль, а не произведение ли это одного из пациентов. Все добротно, красиво, почти по-домашнему. Пасторальную картинку портили лишь основательный трехметровый забор, закрытые железные ворота и будка со скучающим детинушкой внутри. На память тут же пришло окно палаты номер четырнадцать, точно аппликацией, украшенное крылышками мотыльков и почти не изуродованное ажурной решеткой – этакая видимость нормальности и благополучия, маскировка...

– Она меня по имени-отчеству назвала, – вдруг заговорил Петрович. – Я думал, она забыла меня давно, а получается, что даже имя-отчество помнит.

– Как это – забыла давно? – Матвей посмотрел на санитаря сквозь сизую пелену сигаретного дыма. – Она у вас здесь сколько?

– С прошлой осени. В октябре, помнится, привезли.

Значит, с октября. А сейчас уже конец мая. Получается, где-то полгода. Не такой и большой срок...

– Не о том думаешь. – Петрович в раздражении покачал головой, словно и в самом деле прочел мысли Матвея. – Я ж ее пациентом был.

– Пациентом?..

– Три года назад с предынфарктным состоянием в больницу загремел. А Алена Михайловна там на дежурстве. Я ж тогда уже получеловеком был. – Петрович невесело усмехнулся. –

Пьяница, что с меня взять? Зачем такого жалеть? А она пожалела! Ругалась, правда, сильно, что я сердце свое не берегу, еще что-то говорила. Вот поверишь, она говорила, а мне вроде как прямо от слов ее легче становилось. Это я сейчас понимаю, что от обезболивающих, а тогда казалось, что это она меня держит и с того света тянет. И ведь вытянула же! На операции настояла... – Петрович поскреб сизый подбородок... – Я когда в реанимации лежал, слышал, как медсестры про меня шептались, что такого бедового никакая операция не спасет, что не выкарабкаюсь. Я почти поверил, даже и карабкаться не хотел, а она снова ругаться начала и боль забирать...

Петрович надолго замолчал. Матвей тоже молчал, не мешал, подобрал с земли прутик, принялся чертить на земле спиральки. Значит, Алена Михайловна в прошлой, до безумной, жизни была кардиохирургом. Скорее всего, даже неплохим и состоявшимся в профессии специалистом. Вон ведь доктор Джекил состоялся как главврач образцово-показательной психиатрической больницы, а она чем хуже? Другое странно – отчего молодая и успешная барышня вдруг превратилась в странное существо из палаты номер четырнадцать? Что с ней такое должно было приключиться?..

– Все равно ведь расскажут. – Петрович смотрел себе под ноги, и было не понять, с Матвеем он разговаривает или сам с собой. – У нас же людишки всякие попадают. Так лучше я сам, чтобы ты не нахватался от других чуши...

– Какой чуши? – удивленно переспросил Матвей.

– А такой! – неожиданно зло рыкнул санитар. – Чуши про Алену Михайловну. Я-то знаю ее получше некоторых...

– А что с ней не так?

– Все с ней не так. – Петрович зашвырнул окурок в урну и тут же закурил новую сигарету. – Неправильно с ней как-то, не по-человечески. – Он снова замолчал.

– Отчего она такой стала? – спросил Матвей, чтобы сдвинуть наконец этот странный разговор с мертвой точки. – Стресс какой-то перенесла?

– Стресс?! – Петрович посмотрел на собеседника так, словно это он, Матвей, был сумасшедшим, а не девушка из палаты номер четырнадцать. – Ну, не знаю, как это назвать, может, и стресс... Ты вот послушай. У нее дед в Беларуси жил, в глуши какой-то болотной.

– В глуши болотной? – Матвей не единожды бывал в Беларуси, но особой глуши ему там видеть не доводилось. Может, не в тех местах бывал?

– Ага, мелиорация там не все болота убила, остались еще заповедные уголки.

– И в одном из таких заповедных уголков жил ее дед?

– За клюквой она пошла. – Петрович словно и не слышал вопроса. – Там клюква водится, на болотах. Ты ел когда-нибудь клюкву? А, пацан?

– Ел, – Матвей кивнул, – клюкву в сахаре.

– Клюкву в сахаре! – передразнил санитар. – А там не в сахаре, там на болоте. Я знаю, однажды хаживал с бывальными, еще в восьмидесятых. Там такие специальные тропки, местные их хорошо знают, для них это как по парку прогуляться. А вот если такой, как ты, горожанин попробует сунуться, то может и не вернуться.

– Она заблудилась на болоте, что ли?

– Да погоди ты! – взмахнул рукой Петрович. – Что ж ты догадки строишь, недослушав?! Что вы вообще за поколение такое нетерпеливое!

Вообще-то Матвей относил себя к тому же поколению, славной представительницей которого была так горячо любимая Петровичем Алена Михайловна, но спорить не стал, для пользы дела предпочел промолчать.

– Знала она болото! И лес вокруг знала. Она же в детстве каждое лето там проводила, а дети – они ж все излазают. В тот день она одна на болота пошла.

– За клюквой? – зачем-то уточнил Матвей.

– За клюквой. – Петрович кивнул. – Она пошла, а дед дома остался. Рассказывал, радикулит скрутил, а если бы не скрутил, ни за что бы не остался. Он еще резвый был мужик, Алены Михайловны дед.

– Был?

– Помер. Два месяца уже как. От инфаркта, представляешь? Вот была бы она в порядке, деда бы непременно с того света вытащила, а так раз – и помер. Нашли уже холодным через день. Не пережил, выходит, того, что с внучкой приключилось.

– А что приключилось? – Матвей нетерпеливо поерзал на скамейке.

– Что приключилось? – Петрович глубоко затынулся, стряхнул пепел прямо себе под ноги. – Как пошла она на болото, так и пропала. Обещала по свету вернуться, а не вернулась и к ночи.

– А дед что?

– А дед ничего. Я ж говорю, места глухие. Добрался к утру кое-как до ближайшей деревни, поднял народ. Ну, какой народ... егерей, участкового да пару мужиков, что потрезвее да потолковее. Только сунулись на болото, как туманом все затянуло, пришлось на четыре дня поиски отложить.

– Из-за тумана? – усомнился Матвей.

– Вот представь себе! Туман туману рознь. А у них там, на болоте, и вовсе какая-то чертовщина творится, местные и в ясный день стараются его стороной обходить, а уж в туман...

– Что за чертовщина?

– А мне откуда знать? – Петрович пожал плечами. – Знаю, что Алену Михайловну только на пятый день стали искать. И нашли на самом краю топи. – Санитар снова ненадолго замолчал, выплюнул окурок, забыв об урне, впечатал каблуком в землю.

Вот, значит, как. Получается, девчонка пять суток на болоте провела. Срок, конечно, немаленький, но разве ж от такого можно умом повредиться? Если только предрасположенность была... Озвучивать эту деструктивную мысль Матвей не стал и внимательно посмотрел на Петровича.

Наверное, сомнения были написаны у него на лице, потому что санитар поморщился и заговорил, на сей раз вроде как даже нехотя:

– У нее одежда вся была в крови. Одежда в крови, а ран на теле никаких... А потом Алена Михайловна в себя пришла. То есть не пришла... Как только глаза открыла, так и закричала, руками замахала, точно отбиваясь от кого-то...

А вот это уже гораздо интереснее. Задумавшись, Матвей вытащил сигарету из пачки Петровича. Это хоть как-то проясняет ситуацию.

– Может, на нее напал кто-то там, на болоте? – спросил он, прикуривая.

– Кто? – Петрович впери в собеседника недобрый немигающий взгляд.

– Ну откуда же мне знать, кто! – Матвей пожал плечами. – Я просто сделал предположение. Если напугана и в крови, значит, вполне вероятно, что на нее кто-то напал. Может, она этого кого-то ранила или... – Он запнулся.

– Вот именно – или... – Петрович невесело вздохнул. – Ну, договаривай уже! Убила?

– Я этого не говорил. – Сигарета вдруг сделалась горькой до одури. Матвей поморщился и запустил ее в урну.

– Ты не говорил, а другие говорят, как там, так и тут. Там, в окрестных лесах, не только местные бывают. Иногда приезжие ошиваются: кто ту же клюкву собирает, кто охотится, а кто землю роет.

– А землю зачем рыть? – не понял Матвей.

– Партизанский край, – сказал Петрович мрачно. – Там в земле чего только нет, хочешь нашего, хочешь немецкого. А это по нынешним временам дорогой товар, я по телевизору видел. Вот они и лезут, как тараканы...

Матвей задумался, с черными копателями история становилась еще логичнее. Ребята среди них попадают всякие, наверняка и отморожков хватает. И что сделает такой отморозок, если повстречает в лесу одинокую беззащитную девушку? Да мало ли что?! Тут уже возникает совсем другой вопрос – как далеко может зайти девушка, защищаясь? И ответ очевиден, во всяком случае, для Матвея. Может, у нее с собой нож был? Полоснула гада в состоянии аффекта, а потом поняла, что натворила, и тронулась умом.

– Что, паря? По глазам вижу, ты уже прикидываешь, чем Алена Михайловна ту падаль пырнула? – Петрович недобро сощурился. – Вот и остальные так же думают. Тем более что одновременно с Аленой Михайловной еще кое-кто без вести пропал.

– Кто?

– А кто ж его знает?! Через неделю бабка местная участковому рассказала, что ее постоялец на болото ушел и не вернулся. Бабка старая, из ума выжившая, ни на один вопрос внятно ответить не может. Ушел да и ушел, главное, деньги за постой наперед заплатил. А как звали, как выглядел, она не запомнила, сказала только, что молодой, но, ты же понимаешь, для столетней бабуськи и я за мальчишку сойду.

– И искать его не пытались? – спросил Матвей.

– Так а кого искать? Ни заявления, ни документов никаких. Опять же родственники тревогу не бьют, а местные все как один в несознанку ушли: никто ничего не видел, ничего не слышал. Да и кому нужен лишний геморрой? Правда, дед Алены Михайловны рассказывал, что сам пытался этого пропавшего постояльца искать, но так и не нашел.

– Кому рассказывал? – удивленно спросил Матвей.

– Мне. Он зимой приезжал, хотел Алену Михайловну забрать. Она ж к нам не сразу попала, какое-то время там, в местной психушке, лежала. Это уже потом ее начальник всполошился, сюда перевез. А тут еще оказалось, что наш главврач ее однокурсник. Короче, удачно все сложилось.

В том, что все сложилось удачно, Матвей очень сильно сомневался. Достаточно было вспомнить расфокусированный взгляд пациентки из четырнадцатой палаты.

– Так а зачем же тогда дед ее забрать хотел, если все удачно?

– Ну как удачно?! – Петрович на секунду растерялся. – В том смысле удачно, что можно было ее долго в больнице держать. Начальник место на работе оставил, на случай если она все-таки выздоровеет, а Егор Васильевич выбил у какого-то там благотворительного фонда бесплатное лечение. У нас же лечение о-го-го какое дорогое, а тут бесплатно и почти бессрочно. Понимаешь?

Да уж, бессрочно. Как-то не слишком гуманно и совсем неоптимистично...

– А дед забрать хотел, потому что переживал сильно. Думал, что это плохое место для его внуки. Но главврач его переубедил. Да тут и простому деревенскому деду ясно, что Алена Михайловна больна. Короче, вышел старик от главного сам не свой, с трясущимися руками, а тут я. Вот мы и поговорили... И знаешь, что он мне сказал? Что во всем случившемся виноват туман.

– И что там с туманом? – не понял Матвей.

– Да не с туманом, а с болотом. Знаешь, как местные называют лес вокруг болота? Сивый! А догадываешься почему?

– Из-за торфяников? – предположил Матвей. – Летом торфяники горят и дымят. Дым сизый-сивый.

– А вот и не угадал. – Петрович покачал головой. – Торфяники ни при чем. Из-за туманов! Туманы в тех местах особенные. Ни один местный в туман на болото не сунется. И не потому, что можно заблудиться, там что-то другое.

– Что? – не выдержал Матвей.

– Не знаю! – Петрович зло сплюнул себе под ноги. – Старик не рассказал. Сказал только, что это болото во всем виновато и он сам, потому что внучку одну отпустил.

– Так, может, и мужик тот тоже из-за тумана пропал? – предположил Матвей. – Заблудился, оступился, утонул...

– Какой мужик? – Петрович посмотрел на него удивленно, точно не сам только что рассказывал дикие истории про страшный туман и исчезнувшего горожанина. – Какой мужик, молодой? Не было там никого! Да и вообще не наше с тобой это дело. Наше дело – следовать должностным инструкциям. Ясно?

Вместо ответа Матвей пожал плечами. Все-таки странный ему достался напарник. Зачем вообще заводить весь этот разговор? Чтобы потом сказать – ничего не было, не наше дело?..

Петрович в его сторону не смотрел, с мрачной сосредоточенностью перебирал узловатыми пальцами свои бесчисленные ключи. Матвей ему не мешал, запрокинув голову, наблюдал, как сквозь молодую листву пробивается яркое майское солнце.

– Тебе тут станут рассказывать, что Алена Михайловна не просто так у нас, что главврач связи подключил, из жалости ее в психушку устроил, чтобы, если вдруг какие улики всплывут, с нее спросу не было. Какой с сумасшедшей спрос?.. – Петрович встал, загородив собою солнце, сверху вниз посмотрел на Матвея, спросил строго: – Эй, ты слышишь меня, молодой?

– Слышу. – Матвей кивнул.

– Так вот – не верь! Ни единому слову не верь. Не такая она. Я точно знаю! И нечего здесь расслаиваться! Пойдем к сестре-хозяйке спецодежду получать!

Не дожидаясь, пока Матвей встанет с лавочки, он развернулся и побрел к административному корпусу...

* * *

...Раньше мир был густым и серым-серым. Алене казалось, что она находится в самом центре тумана, не обычного, а особенного, способного мучить и глушить своих обитателей. В этом мире Алена была не одна. Иногда из тумана выплывали безмолвные тени, тянули к ней руки, обступали, разглядывали, пытались что-то сказать. Теней она не понимала, но не боялась. Они были нестрашные, просто слишком настойчивые, отвлекающие от чего-то очень важного, чего-то такого, что девушке хотелось, но все никак не удавалось вспомнить. В сером мире тени были незваными гостями, такими же, как и она. Алена это точно знала.

Она боялась других, настоящих обитателей тумана до дрожи в пальцах, до онемения губ, до нервных колик. Другие ее не обижали, но в отличие от теней они могли говорить. Они говорили и говорили: молили, нашептывали, угрожали. Они касались лица Алены невидимыми пальцами, тянули за волосы, путались в подоле платья. Они были повсюду, и спрятаться от них в сером мире не имелось никакой возможности. Оставалось прислушиваться, вздрагивать от прикосновений и бояться.

Она не запомнила, когда именно серый мир начал меняться, просто однажды заметила светящиеся прорехи в окружающем сизом мареве. Иногда, когда прорехи становились особенно большими, Алена могла видеть то, что за пределами тумана. Нечетко, размыто, словно через гигантское увеличительное стекло. В такие моменты ей казалось, что безобидные тени обретают плоть и голоса, а те, другие, которые хозяева, начинают злиться и нервничать. Бывало, Алена подходила к прорехам так близко, что начинала видеть по-настоящему. Серые стены, коричневый пол, белая паутина решетки на окне, свои руки...

Собственные руки пугали Алену едва ли не сильнее всего остального. Худые, полупрозрачные, принадлежащие уже не ей, а тому другому, внетуманному миру. Они не слушались, они были сами по себе, и это казалось так жутко и так неправильно, что Алена отшатывалась от прорехи между мирами, пряталась в спасительной серой мгле, где рук не было видно вовсе.

Но каждый раз, когда ее сизый кокон вспарывала очередная вспышка света, когда Другие с тихими вздохами замирали где-то позади, Алену с неумолимой силой тянуло к прорехе, чтобы посмотреть на мир за туманом и понять что-то очень важное...

— ...А на улице сегодня погода такая чудесная... — Алена испуганно вздрогнула: раньше тени никогда с ней не заговаривали. — Вот просто райская благодать. Через часик непременно сходим на прогулку. Да, Алена Михайловна?

Алена Михайловна — это же что-то значит... Это же что-то из другого, не серого мира. Из того мира, где ее руки ей не принадлежат, где невкусно пахнет хлоркой, где во рту постоянно горько, а глазам больно от яркого света. Недружелюбный, злой мир. И в нем тоже есть Другие. Они приспособились, научились просачиваться сквозь прорехи. Их тоже тянуло к свету, как Алену, как мотыльков...

Мотыльки... хрупкие крылышки, хрусткие тельца, едва различимый шепот и едва уловимые касания. В цветном мире Другие обрели плоть, очень ненадежную, рассыпающуюся прахом под непослушными Алениными пальцами, планирующую к ногам сорванными лепестками полупрозрачных крыльев. Другие умирали без своего тумана, и в их смерти Алена винила себя...

— ...Я вас познакомить хотел с нашим новым... сотрудником. — Одна из теней, знакомо пахнущая сигаретным дымом и чем-то кисло-прогорклым, подтолкнула к ней другую тень. — Алена Михайловна, это Матвей, мой напарник. Я его уже проинструктировал, он вам докучать не станет. Не станешь же?

У другой тени был красивый запах, он сплетался вокруг Алены в ажурное кружево, щеко-тал ноздри, путался в волосах. Это хорошо, теперь пойманный в ловушку из волос запах останется с ней надолго. Может быть, ей даже удастся забрать его с собой в серый мир и тогда будет не так страшно.

Тихий шорох за спиной отвлек от мыслей о запахе. Другие... Им тоже хочется вместе с Аленой остаться в цветном мире, даже если он их убьет...

— Выключите свет... — Слова были не ее, они, как и непослушные руки, принадлежали этому пугающе яркому месту. Звуки рождались сами собой, а Алена с удивлением к ним прислушивалась. — Когда нет света, они не летят. А со светом летят и разбиваются... У них хрупкие крылья, они ломаются. Понимаете? Им, наверное, что-то нужно от меня, а я не понимаю, что...

Она и в самом деле не понимала, просто чувствовала их боль, злость и отчаяние. Это ощущение было почти таким же ярким, как цветной мир, и таким же безнадежным, как серый туман, выстилающий ее убежище.

Она так и не поняла, погас ли свет, потому что прореха между мирами начала вдруг затягиваться. Нужно уходить туда, где безопасно, прочь от говорящих теней и ярких красок.

Запах увязался следом, прошмыгнул вслед за Аленой в прореху, пристроился на плече невидимым лазутчиком, мурлыкнул что-то неразличимое, но точно ласковое. Алена улыбнулась и впервые за бесконечно долгое время подумала, что цветной мир может быть не таким уж и страшным местом...

Ася. 1943 год

Летчик лежал на спине, раскинув в стороны руки. Сердце вдруг занялось от дурного предчувствия. Не успела! Она к нему через весь лес, через Гадючье болото, а он не дождался...

Из последних сил заставляя себя верить в чудо, Ася подобралась к неподвижному телу, потянула пропитанный болотной водой край парашюта и перед тем, как взглянуть на летчика, крепко зажмурилась.

...Он был совсем молодой. Если и старше самой Аси, то ненамного. Молодой, красивый и безнадежно мертвый. Она сразу это поняла, потому что у живых не бывает такой смертельной бледности, потому что живые не лежат вот так в ледяной болотной жиже. Опоздала...

Где-то на краю болота уже совсем близко забрежали собаки, и Ася испуганно вздрогнула. Теперь ей точно нет дороги обратно, теперь ей только вперед, в Гадючье болото, в то самое, в котором нет ни тропок, ни гатей, которое даже батя обходил стороной.

Она вытерла навернувшиеся на глаза слезы, кончиками цепенеющих от холода пальцев коснулась щеки парня. Его нельзя было оставлять вот так. Но что с ним делать, с этим так и не дождавшимся ее летчиком, когда собственных сил едва хватает, чтобы держаться на ногах?! Оставить на растерзание фашистским псам? А у него, наверное, родители и любимая девушка, и никто из них так никогда и не узнает, как и где он погиб...

Расстегнуть пропитавшуюся водой летнюю куртку казалось непосильной задачей, но Ася не сдавалась. Стиснув зубы и стараясь не слушать собачий лай, она искала документы. Хоть что-нибудь, что в далеком послевоенном будущем станет памятью и доказательством его героической гибели.

Ася нащарила документы во внутреннем кармане куртки, не глядя, сунула себе за пазуху и, повинаясь секундному порыву, склонилась над лицом летчика. Она думала, что его щека будет холодной, а она оказалась теплой. Чуть колючей от пробивающейся щетины, но теплой. И сердце под гимнастеркой билось громко и уверенно, несмотря на черное кровавое пятно, растекающееся на боку. Жив! Она успела, а он дождался!

В то самое мгновение, когда Асины губы коснулись теплой небритой щеки летчика, а ладони почувствовали биение его сердца, страх и безнадежность отступили. Он жив, а значит, все это не зря. Значит, теперь она просто не имеет права сдаваться, она должна спасти человека. Не важно как – да хоть на себе! – вытащить его из этого гиблого места.

Летчик был тяжелый, наверное, раза в два тяжелее Аси. Даже просто на то, чтобы поднять его с земли, ушли все силы.

– Волоком, – прошептала девушка, стиснув зубы, – я потащу тебя волоком. Ты только не умирай. Слышишь, родненький?

Он ее не слышал, зато собаки, кажется, почуяли: тишину вспорол их радостно-нетерпеливый лай. Асе оставалось надеяться только на чудо, а еще на то, что немцы побоятся соваться на болото. Немцы побоятся, но что им мешает спустить собак?..

Пальцы дрожали, когда Ася расстегивала кобуру, неожиданно тяжелый боевой пистолет едва не выпал из рук. Она не умела стрелять и не знала, как пользоваться оружием, но точно знала, что без боя этим сволочам не сдастся. И летчика своего не отдаст...

...Туман упал на болото внезапно, тяжелым ватным одеялом укутал все вокруг. Еще секунду назад сквозь редкие деревья пробивались скутые солнечные лучи, и раз – все потонуло в клубящейся тьме. Это было страшно, едва ли не страшнее фашистов с их волкодавами – самый настоящий Гадючий туман, тот, которого все боятся и который унес уже не одну жизнь.

– Не бойся, родненький! – Алена вцепилась в рукав летчика за мгновение до того, как перестала различать его в тумане. – Ты, главное, не бойся. Это даже хорошо, это значит, что нас не найдут...

Она сидела на холодной земле, прижимая к себе раненого парня, целиком превратившись в слух. Туман казался живым и мертвым одновременно. Ася не знала, как такое может быть, просто кожей чувствовала его угрожающую ненормальность. До рези в глазах она всматривалась в сизое марево, и временами ей мерещилось, что она что-то видит. Длинные, извивающиеся тени возникали и тут же растворялись в тумане, а от непонятно откуда исходящего вибрирующего звука сводило скулы и хотелось завывать в голос. Совсем рядом, там, где всего в нескольких метрах от Аси раньше масляно-черным пятном выделялось болотное «оконце», вдруг что-то громко забурило.

Газы, болотные газы... Батя рассказывал, что иногда они поднимаются со дна. Не нужно бояться, нужно просто дождаться, когда туман уйдет.

Злой собачий лай всколыхнул сизое марево, а через мгновение из тумана вынырнула клыкастая песья пасть. Ася зажмурилась, забыв про пистолет, закрыла лицо руками. Она уже готовилась к смерти, на память пришли слова молитвы, той самой, которую каждый вечер шептала мама и которую Ася старалась не запоминать, когда в окружающем непроглядном мире что-то изменилось. Пес вдруг зашелся отчаянным визгом, а туман забился в конвульсиях, взорвался брызгами холодной болотной воды.

Все закончилось так же быстро, как и началось. Туман стал самым обыкновенным, нестрашным и безмолвным, а собачий вой, испуганный и затравленный, теперь доносился откуда-то издалека. Ася стерла с лица смешанную со слезами воду, нащарила шершавый рукав летной куртки и вцепилась в него с такой силой, что заболели пальцы.

– Все, родненький мой. – Слова острыми колючками застревали в пересохшем горле, не давали дышать полной грудью. – Все закончилось. Я же говорила... Теперь только немножко осталось потерпеть, я тебя перевяжу, и мы пойдем.

На самом деле Ася не знала ни как они пойдут, ни куда. Дома план казался ей простым и ясным: она найдет сбитого летчика и передаст его партизанам. А сейчас что? Летчика она обнаружила, а где искать партизан? Потом. Она будет думать об этом потом, а сейчас нужно наложить повязку.

Ася вытащила из-за пазухи торбу, размотала обвязанный вокруг талии рушник, нащарила теплый от все еще сочащейся крови бок летчика, изо всех сил перетянула его рушником. Вот так. Теперь нужно дождаться, когда спадет туман...

– ...Все равно помрет. – Голос был похож на змеиное шипение. Ася испуганно взвизгнула, завертела головой, пытаясь понять, откуда он доносится. – Крови много в болото ушло... попиروвали они...

– Кто вы?! Где вы?! – Ася вытянула перед собой руку с зажатым в ней пистолетом. – Выходите! Предупреждаю, я стрелять буду!

– Не шуми, дура-девка. – Туман вдруг сгустился, приобретая человеческие очертания. Или не совсем человеческие...

Если бы комсомолка Ася Раевская верила в сказки, то подумала бы, что перед ней кикимора или Баба-яга, но она не верила, поэтому строго-настрого запретила себе бояться. Наболялась уже, хватит!

Женищина была старой. Темное, цветом сравнявшееся с землей лицо пересекали глубокие морщины, из-под низко надвинутого на лоб черного платка вдоль впалых щек свисали сальные седые космы, а вокруг тонкой старушечьей шеи серо-зелеными кольцами обвивалась болотная гадюка. Живая, зло косящаяся на Асю янтарным глазом...

– Не шуми, – прошамкала старуха беззубым ртом. – Нельзя здесь шуметь. Они не любят.

– Кто? – спросила Ася, не опуская пистолета.

– Много вопросов задаешь... – Старуха погрозила ей деревянной клюкой, а потом с неожиданным для ее возраста проворством подскочила к раненому летчику.

– Не подходите! – Ася испуганно взмахнула пистолетом, и в ответ на это гадюка угрожающе зашипела.

– Хочешь, чтобы он помер? – Старуха даже не смотрела в Асину сторону, ее сучковатые пальцы исследовали сначала лицо летчика, потом рану в боку.

– Нет, я хочу, чтобы он жил. – Испуганно косясь на гадюку, Ася опустила пистолет.

– А как хочешь, так не мешай! Не нужен он мне тут. Их тут и так много, а я покоя хочу... – Она бормотала что-то непонятное, а сама быстро и ловко срывала наложенную Асей повязку.

Рана была страшной. Теперь, когда туман немного рассеялся, стало совершенно ясно, что никакая повязка не поможет. Ася закусила губу, чтобы не расплакаться...

– Плохо... – Из складок юбки старуха вытащила кисет, достала из него какую-то высушенную траву, растерла в пальцах и получившимся порошком присыпала кровоточащую рану, а потом наклонилась низко-низко и что-то быстро зашептала.

Наверное, это был заговор. В Васьковке жила бабка, которая, по слухам, умела заговаривать хвори, как человечьи, так и скотинкины, сводить бородавки и зашептывать испуг и заикание. Васьковской бабке Ася не верила, а сейчас, когда вслушивалась в невнятное бормотание, вдруг до боли в сердце захотела поверить. Пусть бы случилось чудо, пусть бы этот порошок и эти непонятные слова помогли ее летчику, вырвали из загребущих лап смерти...

– Кровь нужна... – Старуха обернулась и уставилась на Асю серыми бельмами глаз. Гадюка тоже уставилась, и девушке вдруг показалось, что старуха видит мир змеиными глазами.

– Какая кровь? Чья?

– Твоя. – В костлявой руке блеснуло лезвие. – Жалко? – Тонкие губы растянулись в издевательской усмешке. – Если жалко, так и скажи, мне все равно. Он быстро помрет, не будет мучиться. Не на этом свете...

– Бери! – Ася протянула раскрытую ладонь.

– А ты отчаянная, девка. Он тебе кто?

– Он мне товарищ!

– Товарищ, значит. Ну, коли товарищ...

Ася не заметила, как лезвие полоснуло по коже, только вскрикнула от острой боли. Старуха прижала ее окровавленную ладонь к ране и снова что-то забормотала. Боль вдруг сделалась нестерпимой, небо над головой превратилось в синюю карусель, а по телу разлился холод...

* * *

Новичок ему нравился. Петрович прожил на свете уже не один десяток лет и в людях научился разбираться безошибочно. У этого залетного парнишки, гладко выбритого, тщательно причесанного, аккуратно одетого, политого хорошим одеколоном, не было ни единого шанса задержаться в психушке надолго. Работа санитаром для такого лишь ступенька, перевалочный пункт между чем-то гораздо более престижным и интересным, такая вот незатейливая попытка продержаться на плаву в лихую годину. Случайный человек... И это, надо сказать, еще не самый плохой вариант. За годы службы Петрович успел насмотреться на всяких типчиков. В его личной классификации было несколько определений тем чудачкам, которым вдруг взбрело в голову поработать санитаром в психиатрической клинике.

К первой относились вот такие – залетные и случайные. Иногда среди них попадались хорошие люди, иногда – полная шваль. Все, как в жизни, только острее и ярче. Они и были частью обычной жизни, несли ее отпечаток на одежде и лицах. И никогда не задерживались в больнице надолго, переживали свои собственные сложные времена и уходили.

Ко второй и, пожалуй, самой беспокойной категории принадлежали студенты-медики. Эти разудалые ребята дежурили большей частью по выходным и ночами, работали без огонька, частенько из-под палки, а к пациентам относились с какой-то по-детски легкомысленной бравадой и еще не впитавшимся в кровь, но уже пустившим корни врачебным цинизмом. Иногда их приходилось крыть матом за безалаберность, иногда, особенно спокойными ночами, случалось пропустить с ними по рюмашке-другой, но положиться на них можно было почти всегда, потому что, Петрович это шкурой чувствовал, вместе с профессиональным цинизмом рождалось и другое, куда более гуманное чувство ответственности за вверенную тебе человеческую душу.

К третьей категории Петрович относил таких, как сам, старых псов, прикипевших к больнице с ее своеобразным укладом и странностями, воспринимающих жизнь вне больничных стен как что-то патологическое. Их было мало, можно пересчитать по пальцам одной руки, но с ними все казалось просто и понятно. Легко понять такого же чудака, как сам...

Имелась и четвертая, особенно опасная группа – идейная. Идеи были разными: когда патристическими, когда патологическими. Главным патриотом больницы являлся главврач, молодой, пылкий, порой едва ли не более непредсказуемый, чем его пациенты. Иногда Петровичу казалось, что, резво взбираясь по служебной лестнице, этот еще зеленый и совсем неглупый парень потерял что-то очень важное, что-то такое, что не мог заменить даже очевидный профессионализм и искреннее радение за судьбы подопечных. Впрочем, такие мысли приходили к Петровичу не часто, только после пятой рюмки беленькой, а в спиртном во время дежурства он себя ограничивал. Три рюмки были его профессиональным максимумом, а четыре и пять – уже исключением из правил. Исключения и поблажки Петрович позволял себе редко, что бы там про него ни говорили, свою норму он знал и однажды установленные рамки нарушал нечасто.

Со случайными людьми, студентами и патриотами можно было мириться. Те, кого Петрович по-настоящему не любил и опасался, стояли особняком и, по большому счету, мало чем отличались от пациентов больницы. Эти оказывались в стенах лечебницы не по велению души, не из-за жизненных обстоятельств и не из-за профессионального долга, а из-за патологического любопытства, дикого желания с головой погрузиться в чужой безумный мир, получить драйв. Драйв – вот как назывался алчный блеск в их глазах, подрагивающие руки и выражение животного нетерпения на лицах. Таких Петрович обходил стороной, отказывался даже от халавной водки, потому что чуял в них особенную мерзкую червоточину и не хотел мараться.

Новичок поначалу показался ему таким же, нетерпеливо-жадным до чужого страдания, но лишь в первое мгновение. Уже совсем скоро, знакомя парня с устройством больницы и зачитывая бесчисленные служебные инструкции, Петрович понял, что, возможно, впервые в жизни ошибся в классификации. Новичок был нормальным. Вот просто совершенно нормальным: в меру сочувствующим, в меру человеческим, в меру брезгливым, в меру любопытным. В этой сбалансированности таилось даже что-то странное, но червоточины не было однозначно. Может, потому он и дал слабину, попытался объяснить новичку чуть больше, чем объяснял его предшественникам. Особенно про Алену Михайловну... Вот просто до боли захотелось, чтобы пацан понял, что она не обычная пациентка, что с ней нужно иначе: без лишнего нажима, с уважением и с терпением. Никому раньше Петрович не рассказывал ее историю, не спорил с теми, кто считал ее в чем-то виноватой, не поддакивал тем, кто называл ее бедной девочкой и жалел из профессиональной солидарности. Он просто выполнял свою работу и, как мог, пытался оградить Алену Михайловну от внешней грязи. А теперь вот нарушил собственные правила, посвятил в чужую беду совершенно незнакомого мальчишку. Может, зря? Время покажет...

– Петрович, ну я готов! – Новенький стоял перед ним в белоснежном, отутюженном и даже вроде как накрахмаленном халате и выглядел так, словно и в самом деле готов ко всему тому, что ему предстоит. – Командуй!

Он не чурался грязи, этот лохотный с виду парнишка! В первый день с новичками бывает особенно тяжело, со всеми. Со всеми, но не с Матвеем. Он сдал только однажды, в палате номер четырнадцать. Во время раздачи лекарств.

Строго говоря, это не было обязанностью санитаров – раздавать пациентам таблетки, но после того, как один из особенно буйных прокусил медсестре руку, это стало негласным законом. Ходячие и небудные получали лекарства сами у постовой медсестры, а таким, как Алена Михайловна, таблетки разносили санитары. Разносили и следили, чтобы пациент таблетки непременно проглотил. Это было особое требование главврача – персонал должен строго контролировать неблагонадежных для их же блага, разумеется. Алена Михайловна была хоть и блатной, но тоже неблагонадежной...

– Попроси, чтобы она открыла рот, – шепнул Петрович и сунул Матвею стаканчик с таблетками. – Проверь, чтобы все было нормально.

– Что нормально? – Новенький смотрел на него ясными серыми глазами и делал вид, что не понимает, о чем речь.

– Проверь, чтобы она проглотила таблетки, чтобы не спрятала за щекой или под языком, – повторил Петрович терпеливо.

Признаться, ему и самому было не по душе заставлять Алену Михайловну проходить через все это. Имелось в этой процедуре что-то унижительное, что-то такое, от чего он потом еще долго чувствовал себя скотиной. Но работа есть работа. Лекарства вроде как начали помогать, а пациенты в таком состоянии способны на всякое, так что лучше не рисковать, а делать все по правилам. К тому же, может, это только у него одного такое трепетное отношение к пациентке из палаты номер четырнадцать, а остальным все равно...

Матвею было не все равно, Петрович это сразу понял и еще раз мысленно похвалил себя за пронизательность. Похоже, парень и в самом деле неплохой. Или просто брезгливый?..

– А как?.. – спросил тот растерянно. – Как проверить?

– Обыкновенно! – зашипел Петрович, оглядываясь на безучастную к происходящему Алену Михайловну. – Тебе самому в поликлинике, что ли, в глотку никогда не заглядывали?

– А если она рот не откроет?

– А если не откроет, то ты сделаешь так, чтобы открыла! – сказал он зло.

– Силой, что ли?

– Если понадобится, то и силой. Ты, паря, должен четко понимать, что делаешь все это не ради баловства, что это ради ее же блага.

– Главное, чтобы она сама это понимала, – огрызнулся Матвей и медленно, с неохотой подошел к Алене Михайловне.

Сегодня она не рисовала. Во всяком случае, бумага, которую принес ей вчера Петрович, так и лежала нетронутой на краешке стола, а руки у пациентки были чистыми и почти неподвижными. Тоже, наверное, хороший знак...

– Эй. – Матвей сделал шаг к койке, на которой она сидела, и под ногой у него что-то хрустнуло.

Петрович разглядел впечатанного в линолеум мотылька и болезненно поморщился. Уже и на форточку марлю натянули, а они все летят. Никак через вентиляционную шахту...

– Эй, – снова повторил Матвей, присаживаясь перед Аленой Михайловной на корточки.

– Что ты ей эйкаешь? – проворчал Петрович. – У нее имя есть.

– Да что ты говоришь?! – Парень обернулся, бросил на него язвительный взгляд. Вид у него при этом был такой, словно он вошел в клетку к разъяренной тигрице, а Алена Михайловна не буйная совсем. Ну почти...

– Вот ваши лекарства. Выпейте. – Матвей поставил поднос на тумбочку, протянул пациентке стаканчик с таблетками.

– По одной давай, – инструктировал Петрович из-за его спины.

– А воду запить? – растерянно поинтересовался тот.

– Она может и без воды. Давай уже!

Парень вытряхнул на ладонь одну из трех таблеток, сказал с тяжким вздохом:

– Лекарство выпейте, пожалуйста.

Алена не ответила. Петрович давно привык к тому, что она все время молчит. Молчать-то молчит, но рот открывает послушно, по первой просьбе. Раньше открывала, а сейчас вот заартачилась. А может, не расслышала? Кто ж поймет, какая там слышимость в ее внутреннем мире?..

– Дальше что? – Матвей посмотрел на него вопросительно. Вместо ответа Петрович лишь досадливо пожал плечами. Пусть сам разбирается, дело-то нехитрое. Глядишь, быстренько освоит науку и снимет эту тяжкую ежедневную обязанность с его стариковских плеч.

– Алена, откройте рот. – Парень говорил тихо, но в голосе уже сквозило раздражение, словно Петрович бросил ему вызов, не принять который было бы верхом позора.

Она сидела неподвижно и смотрела не на Матвея, не на таблетки в его ладони, а на мертвого мотылька. Смотрела, молчала, рта не открывала... Вот такая проблема...

– Ну и как с ней? Силой, что ли? – Матвей снова обернулся.

– погоди! – Петрович сделал шаг вперед, сказал как можно более ласково: – Алена Михайловна, вы бы выпили таблетки, а? Если не выпьете, то придется лекарство вводить внутривенно, вам же потом плохо будет от капельниц.

Пустое... Она не слышала или не хотела слышать. Тонкие руки медленно и методично собирали в складку край больничного халата, обнажая ногу. Да что же это такое?! Хотел как лучше, а теперь что? Идти жаловаться главному, чтобы ее в самом деле на капельницы перевели? Петрович вспомнил, как в самые первые дни своего пребывания в больнице девочка отказывалась есть, как приходилось привязывать ее к кровати и кормить через зонд. Та жуткая картинка до сих пор стояла у него перед глазами, повторения подобного он не хотел. Наверное, лучше будет силой...

Парень смотрел на него очень внимательно, точно старался прочесть его мысли. А может, и прочел, потому что кивнул и, не говоря ни слова, свободной рукой сжал девочке подбородок. Может, сильно сжал, а может, еще что-то вмешалось в ход событий, только Алена Михайловна протестующе замотала головой, а когда это не помогло, укусила Матвея за палец. Больно укусила, до крови, до звериного воя и бешенства в светло-серых глазах.

Петрович хотел вмешаться, но не успел, все произошло слишком быстро для его стариковской реакции. Парень больше не церемонился, действовал четко и выверенно, словно каждый день тренировался засовывать таблетки в горло беспомощным девушкам. Гуманизм в чистом виде...

Алена закашлялась на последней таблетке, захрипела, кажется, даже посинела губами. Петрович уже было бросился на помощь, но девочка справилась сама. Она смотрела прямо перед собой, успокоившиеся руки неподвижно лежали на голых коленках, а по бледным щекам текли слезы. Самые обыкновенные женские слезы, те самые, от которых в груди у всякого нормального мужика делается колко и муторно, а в голову приходят незваные мысли о собственном несовершенстве. А когда слезы еще и вот такие, безмолвные, никому конкретно не адресованные, никакие хитрые женские цели не преследующие, муторно и колко становится вдвойне...

Матвей тоже молчал, баюкал укушенную руку и не сводил растерянного взгляда с девочки, а потом сделал совсем уж неожиданное – сжал ее ладошку в своей руке, сказал шепотом, едва слышно:

– Прости...

Скорее всего, пациентка его не услышала, а если услышала, то не поняла, что он хотел сказать, она высвободила свою руку, медленно провела по его волосам, а потом поднесла пальцы к лицу. Ноздри ее вздрогнули, словно принюхиваясь.

– Я не хотел. – Матвей встал, виновато посмотрел на Петровича. – Оно само получилось, рефлексивно.

– Орел! – Пришедший в себя Петрович неодобрительно покачал головой, склонился над девочкой и, стараясь не смотреть на голые коленки, одернул подол ее халата. – Тебе бы охранником в тюрьме работать, а не здесь... – Он злился на себя гораздо сильнее, чем на этого бес толкового мальчишку, злился и не знал, что делать с этой беспомощной злостью.

Матвей ничего не ответил, молча отошел к двери и уже там замер, привалившись спиной к дверному косяку. По прокушенной руке стекала алая струйка крови, капли падали на линолеум.

Петрович тяжело вздохнул, сказал севшим от волнения голосом:

– На пост пошли, герой. Рану нужно обработать.

– Да какая там рана! – Парень понуро посмотрел на свою ладонь. – До свадьбы заживет.

– До свадьбы заживет. – Петрович согласно кивнул и, обращаясь к Алене Михайловне, громко сказал: – Вы уж нас извините великодушно. Нехорошо, что все так вышло...

– Погасите свет, пожалуйста... – в ее голосе отчетливо слышался страх. – Просто погасите за собой свет, чтобы они не летели...

– Погашу! Вот прямо сейчас и погашу! – Он нарочито громко постучал по выключателю. – Все, погасил! Никто вас больше не побеспокоит, Алена Михайловна.

Петрович уже толкнул дверь, когда краем глаза увидел какое-то движение...

...Они кружились вокруг ее головы белесым нимбом, бог весть откуда взявшиеся ночные мотыльки... Хоть бы не забыть забрать вытяжное отверстие сеткой...

* * *

...Эта тень оказалась не такой, как остальные, она была злой и нетерпеливой. Нетерпение чувствовалось во всем: в жестах, голосе, даже запахе, том самом, который уже почти стал для Алены верным другом, который грелся на ее плече в сером мире и нашептывал что-то ласковое и успокаивающее. Запах обманул, обещал покой, а сделал больно. Или не запах, а его хозяин? Нетерпеливая тень с крепкими и злыми пальцами...

Да, у этой тени были пальцы. И когда они коснулись Алениного подбородка, она вдруг подумала, что у нее есть лицо. Не только полупрозрачные, непослушные руки, но еще и губы, брови, нос... Это было так странно и так неожиданно, что девушка совсем перестала слушать то, что говорила ей тень. Теперь она прислушивалась к другому: к теплу, струящемуся от чужих пальцев, к гулкому уханью где-то глубоко внутри того, что еще совсем недавно являлось частью тумана, а сейчас ощущалось чем-то с ней неделимым. А тень говорила все громче, и пальцы на Аленином подбородке сжимались все крепче и сильнее...

Наверное, Алена что-то сделала неправильно, наверное, требовалось быть внимательной и послушной, чтобы понять, что от нее хотят, а она не поняла, и тень разозлилась окончательно. Так сильно, что ненадолго, всего на мгновение, обрела плоть...

...Серые глаза за стеклами очков смотрели совсем не зло, а удивленно и растерянно, уголки четко очерченного рта нервно подрагивали. Тень оказалась вовсе не тенью, и от этого то гулкое и нетерпеливое, название которого Алена так и не вспомнила, забилося еще быстрее, точно помогая вспомнить... Она уже почти поняла, почти дотянулась до тайны, когда брешь между мирами начала затягиваться. Серые глаза потускнели и вскоре совсем погасли, и прикосновений Алена больше не чувствовала. Единственное, что осталось с ней в сером мире,

это что-то влажное и горячее, прочерчивающее по немеющим щекам дымящиеся дорожки. А потом ее окружили Другие, и, уже теряя себя окончательно, Алена закричала...

Ася. 1943 год

– Забыла сказать... Старая совсем стала... – Скрипучий голос змеей прокрался в Асино беспамятство. – А девка-то молодец, храбрая девка, только глупая. Молодые все глупые, просят-просят, а про цену не спрашивают...

Ася открыла глаза. Небо над головой уже не было синим, теперь на нем грязными заплатами серели тучи. Сколько же она пролежала без сознания? Как там ее летчик?

Девушка вздохнула полной грудью влажный от болотных испарений воздух и попыталась встать. Голова снова закружилась.

– Прыткая какая! – Старуха стояла на коленях перед летчиком и, как недавно неведомую травку, растирала в костлявых пальцах его русые волосы. – Очухалась?

– Что с ним? – Ася старалась не смотреть на эти страшные, своей собственной жизнью живущие руки и на затянутые бельмами глаза тоже старалась не смотреть. Она глядела только на летчика, на его бескровные губы и пропитавшуюся бурой кровью гимнастерку.

– Живущий. – Старуха пожала плечами, и гадюка на ее шее недовольно зашипела. – Думала, помрет, а он все не помирает... Ну раз до сих пор жив, так и дальше жить будет! Пойдем! – Опираясь на клюку, она встала на ноги.

– Куда? – спросила Ася испуганно.

– А ты куда хочешь? – Старуха даже не глянула в ее сторону.

– Я домой хочу.

– Домой? Ну коли домой, так туточки его брось, товарища своего.

– Как это – брось? – Ася вцепилась в рукав летной куртки. Не бросит она его, ни за что не бросит!

– А вот так. Зачем мертвяка в деревню волочь?

– Вы же сами сказали, что он жить будет! – от злой обиды перехватило горло. Да что же эта ведьма ее морочит?!

– На болоте будет жить, в другом месте – нет.

– Это почему?

– Потому что здесь я его сторожусь! – Старуха обернулась, и змея уставилась на Асю внимательным, совсем человеческим взглядом.

– А мне что делать? – спросила Ася растерянно.

– А вот сажай товарища своего на закорки и за мной тащи. – Ведьма усмехнулась, змея закрыла глаза, положила треугольную голову ей на плечо. – Путь неблизкий, а я тебе в этом деле не помощница. Старая я уже...

Может, ведьма и была старой, да только скакала она по невидимой тропе так резво, что Ася за ней едва успевала. Сил не было вовсе, теперь ею двигало только упрямство и страстное желание довести начатое до конца. Несколько раз ноги подгибались, тогда девушка падала на землю, лежала так несколько минут и снова поднималась, взваливала на плечи летчика и, до крови кусая губы, уже ничего перед собой не видя из-за мутной пелены слез, шла вперед.

Наверное, именно поэтому произошедшие вокруг перемены она скорее почувствовала, чем увидела. Почва под ногами вдруг перестала пружинить, а воздух наполнился уже почти забытой свежестью. Девушка смахнула с глаз слезы, подняла голову.

Остров! Посреди Гадючьего болота возвышался самый настоящий, поросший березами и соснами остров. Большой или нет, Ася понять не могла, она, точно завороченная, не сводила взгляда с крохотной, вросшей в землю избушки, притулившейся на самом краю острова.

– Упертая! – послышался над ухом скрипучий голос. – Дотащила товарища своего. Ну раз дотащила, так и быть – помогу. Да не стой столбом, в хату неси!

В избушке было темно, сквозь мутные стекла света внутрь проникало совсем чуть-чуть. Ася постояла немного, зажмурившись, давая глазам возможность привыкнуть к темноте.

– На землю его клади, товарища своего, – командовала старуха. Сама она уже суетилась у печи, от которой волнами шло благословенное тепло.

– На землю? – переспросила Ася.

Пол в избушке и в самом деле был земляной. Утрамбованный, чисто выметенный, наверное, холодный.

– Вон рогожу подстели! – Старуха кивнула на припечек, где лежала небрежно свернутая и не особо чистая рогожа. – Делай, что велю! – прикрикнула она. – Ничего с ним теперича не сделается.

Придерживать летчика и одновременно стелить рогожу было тяжело, но отчего-то именно сейчас Асе не хотелось его отпускать. Она справится. И не с таким справлялась.

– За дровами сходи, – приказала старуха. – Березовые бери, от них жар лучше.

Дрова были сложены в аккуратную, почти истаявшую за зиму поленницу, рядом стояла колода с воткнутым в нее топором. Представить, что их неожиданная спасительница сама колет дрова, было сложно. Наверное, ей кто-то помогает. Вот только кто, если про этот остров никому не известно? А может... – от неожиданной догадки радостно забило сердце – а может, старушка не одна на острове, может, именно здесь и скрываются партизаны?

Ася, как и было велено, набрала березовых поленьев, плечом толкнула дверь избушки, вошла внутрь.

Старуха суетилась у печи, а на Асино появление отреагировала новой командой:

– Ведро бери и за водой иди.

Ведро стояло тут же, у двери, но вот никакого колодца Ася перед домом не видела.

– А где...

– На озеро иди! – Старуха не дала ей договорить. – Навошта на болоте колодец?! За хатой – озеро.

Озеро было маленькое, почти идеально круглой формы, с лаково-черной поверхностью. Глубокое, наверное... Ася спустилась к берегу, зачерпнула в ведро воды и поспешила обратно к избушке.

– Тебя только за смертью посылать. – Старуха с неожиданной для ее тщедушного тела силой подхватила полное ведро, перелила воду в большой чугунок, чугунок сунула в печь. – Скоро уже, – сказала, вытирая руки о юбку. – Что стоишь? Телогрейку скидай, упарись!

В топленой избушке и в самом деле было жарко. Ася сняла телогрейку, пристроила ее на стоящую вдоль стены лавку, вопросительно посмотрела на хозяйку.

– Как зовут-то? – вдруг спросила та, и гадюка на ее шее с любопытством вскинула голову.

– Ася. Анастасия. А вас?

– А меня? – Старуха усмехнулась. – А не помню! Называй Шептухой, я не обижусь.

Шептуха – это, наверное, потому, что она такая же, как та, васьковская бабка-знахарка. Но неловко как-то...

– Тогда вообще никак не называй, – ответила на ее невысказанные сомнения хозяйка. – В этом месте по имени звать – беду накликаешь. Теперь вот что, раздевай-ка своего товарища. Вымыть его нужно.

Старуха подхватила стоящий в углу ухват, вытащила из печи чугунок поменьше, бросила в него горсть каких-то трав. По избушке тут же разнесся дурманящий дух багульника и еще чего-то Асе незнакомого. Девушка закатала рукава кофты, встала на колени перед летчиком. Он уже не казался мертвым, скорее спящим. На высоком лбу и на коротко стриженных, но все равно завивающихся волосах поблескивали капельки пота. Ася не знала, хорошо

это или плохо, но интуиция подсказывала, что сейчас самое время довериться старушке со странным именем Шептуха.

...Голых мужчин Ася никогда раньше не видела, оттого, наверное, пока стаскивала с летчика исподнее, сама покрылась потом. А может, это от жары, а не от смущения? Чего ж смущаться-то, когда он одной ногой в могиле и нет ему никакого дела до ее детского стыда.

– Покажь-ка! – Бабка Шептуха присела рядом с Асей, коснувшись пальцами запекшейся раны. Гадюка, всего секунду назад мирно дремавшая у нее на плече, серой лентой обвила руку, зависла над лицом летчика.

Ася испуганно ахнула.

– Не бойся, – прошамкала старуха, – пока я не велю, она не обидит. Мне посмотреть нужно...

Значит, так и есть, смотрит она змеиными глазами. Но как такое вообще может быть?..

– А это оттого, что ты молодая и глупая. – Гадюка соскользнула летчику на грудь, обернулась кольцом вокруг раны. – Веришь тому, что скажут, и не веришь тому, что видишь.

– Так не бывает, – прошептала Ася.

– Так, может, обратно в топь пойдешь, если так не бывает? – усмехнулась старуха, обнажая пеньки гнилых зубов. – Или перестанешь болтать и поможешь мне наконец?! – Она протянула Асе смоченную в горячей воде тряпицу, скомандовала: – Оботри его пока, а я на полатях постелю, – а потом добавила каким-то другим, непонятным, тоном: – Хороший он у тебя, ладный. Жалко будет, если...

– Что – если? – вскинулась Ася. – Он не умрет! Я не позволю!

– А может, оно и плохо, что ты не позволишь? – сказала старуха совсем уж непонятное и снова протянула руку к гадюке. Та послушно, будто дрессированная, заползла обратно на плечи, обернулась вокруг шеи...

* * *

Матвей себя ненавидел. Для мужика, с детских лет взращивавшего в себе самоуважение, это было очень странным и очень болезненным чувством. Поднять руку на женщину... нет, даже не на женщину, а на это беспомощное и безропотное существо... И тот факт, что он всего лишь следовал инструкциям и не сделал ничего плохого, не позволял вздохнуть полной грудью и наполнял рот горечью.

– На, курни. Глядишь, полегчает. – Петрович протянул ему пачку сигарет.

– Спасибо. – Матвей сунул одну в рот, прикурил от протянутой зажигалки.

Они сидели на облюбованной с первого дня скамейке в тени старой яблони: Матвей – с одного края, Петрович – с другого; свернутый в трубочку старый журнал лежал между ними разделительной полосой.

– Ты особо не переживай, паря. – Петрович теребил в руках свою любимую связку. Ключи нервно побрякивали, не позволяя Матвею сосредоточиться. – Это первый раз так все вышло... – Он немного помолчал, а потом добавил: – Это она, наверное, с непривычки. Она с непривычки, и ты с непривычки. Оба...

– Плакала она тоже с непривычки? – спросил Матвей. Прощать самого себя он не собирался и в индугенции от Петровича тоже не нуждался.

– А вот что плакала, так это очень даже хорошо! – сказал напарник уверенно. – Это добрый признак, можешь мне поверить, я в психиатрии уже больше сорока лет...

– И что же в этом хорошего? – Матвей затаился сигаретой, прищурившись из-за пробивающегося сквозь ветки солнца, с интересом посмотрел на Петровича. – Что хорошего в том, что я довел беспомощного человека до слез?

– Что хорошего? – Петрович заграбастал журнал, помахал им над головой, прогоняя назойливую мошкарку. – А то, что это проявление эмоций. Понимаешь? Раньше у Алены Михайловны никаких эмоций не было. То есть она боялась чего-то, кричала, отбивалась. Но все это объяснялось ее болезнью.

– А сейчас?

– А сейчас она отреагировала не на свои кошмары, а на тебя. На внешний мир отреагировала, вот что! Нет, вот что ни говори, а главврач – хороший специалист. Может, человек не самый хороший, но как врач... Сначала-то все надеялись, что Алена Михайловна из этого состояния быстро выйдет, а прошел месяц-другой, и надеяться перестали.

– И ты?

– Не обо мне речь. – Петрович нетерпеливо отмахнулся. – Все, кроме Егора Васильевича. Этот не сдался. Этот вообще никогда не сдается, насколько я успел заметить. И вот видишь – слезы! – Он улыбнулся, но как-то криво, неуверенно.

– А что у нее с волосами? – спросил Матвей, просто чтобы не видеть эту улыбку. – Это она сама себя так?

– Это ее санитарка. – Петрович тут же помрачнел.

– Зачем?

– Чтобы хуже не вышло. Это началось почти сразу, как Алену Михайловну привезли. Так-то у нее волосы роскошные были, длинные, красивые...

– Она их вырывала? – догадался Матвей и от догадки своей поежился.

– Ну, как сказать... – Чувствовалось, что разговор этот Петровичу неприятен, он даже закурил, чтобы не отвечать как можно дольше. – Можно и так сказать. Вырывала, а потом в жгут сплетала.

– А зачем? – спросил Матвей обалдело.

– Эх, паря, если бы я знал зачем, то сейчас бы сидел в кабинете главврача, а не с тобой на лавочке. – Петрович вздохнул. – Ее по-всякому пытались остановить, даже на ночь к койке привязывали. Пока привязывали, все нормально было, а как только развязали, все по новой начиналось. Тогда Егор Васильевич и приказал волосы остричь. Радикальная мера...

– Что ж криво-то так остригли? – проворчал Матвей. – Изуродовали девку.

– А тут у нас не салон красоты! – вскинулся Петрович. – Это психиатрическая клиника. Как умели, так и стригли, – добавил он уже более спокойно. – Она же сопротивлялась. Мы ж ее вдвоем с напарником держали, чтобы не поранилась или ножницы, не дай бог, не выхватила.

– Помогло? – спросил Матвей, носком ботинка впечатывая окурок в землю.

– Отчасти. Как волосы остригли, другое началось. Стены и окна видал? И знаешь, что самое интересное? – Петрович понизил голос до заговорщицкого шепота, придвинулся к Матвею поближе. – Они ведь и в самом деле к ней летят, мотыльки эти. Ну вот как будто бы она светится, а они этот свет видят. И сегодня вот тоже налетели. Из вентиляционной шахты, наверное. Надо будет марли у сестры-хозяйки попросить.

– Зачем марля? – не понял Матвей.

– Чтобы вытяжное отверстие занавесить. Чтобы не летели.

– Думаешь, поможет?

– Думаю, не навредит! – Петрович зашвырнул окурок в урну, сунул связку ключей и журнал в карман халата и с кряхтением встал со скамейки. – Вечерние лекарства я ей выдам.

– Нет. – Матвей тоже встал. – Я сам.

– Сам? – Петрович посмотрел на него со смесью удивления и уважения, а потом кивнул на перевязанную руку: – А не боишься совсем без пальцев остаться?

– Я с ней договорюсь. Попробую договориться...

– Думаешь, получится?

– Думаю, стоит попробовать...

– Пробовать он будет. – Санитар отвернулся, и ворчание его теперь было едва слышно. – Естествоиспытатель нашелся. А она, между прочим, человек, а не кролик подопытный.

– Я знаю. – Матвей обошел Петровича, заглянул в глаза. Выцветшая желто-зеленая радужка, пропитые кровеносными сосудами белки, набрякшие веки – глаза типичного алкоголика. Что такому доказывать? А вот он доказывает и изо всех сил старается, чтобы ему поверили.

Он уже приготовился к долгим спорам и препирательствам, но вместо этого Петрович коротко сказал:

– Делай как знаешь, паря. Только чтобы больше мне Алену Михайловну пальцем не тронул.

– Не трону, – пообещал Матвей без тени иронии. Пальцы ему еще пригодятся...

Ася. 1943 год

...Вода в озере оказалась такой студеной, что немели пальцы. Даже в деревенских колодцах не было такой холодной воды. Как же в нем купаться?..

Ася отмахнулась от этой глупой мысли, с утроенными силами принялась оттирать песком кровь с гимнастерки. У бабки Шептухи мыла не водилось, пришлось вот так, чем есть.

Его звали Алексей, Алексей Загорский. Ася специально заглянула в его документы, чтобы он наконец перестал быть неизвестным летчиком, а стал настоящим человеком, с именем и фамилией. Теперь, когда он, вымытый, перевязанный, отпоенный старухиным отваром и завернутый в чистую холстину, лежал на полатах в избушке, на душе стало легче и веселей. Старуха долго колдовала над раной, шептала что-то на непонятном языке, касалась лица парня заскорузлыми пальцами, припониживалась, прислушивалась, а потом сказала:

– Нема в нем железа, не чую.

– Пуля навывлет прошла? – уточнила Ася.

Вместо ответа бабка Шептуха сунула ей в руки окровавленную одежду, велела:

– Постирай-ка!

Возвращаться в избушку не хотелось, но белье все уже было выстирано, да и голод давал о себе знать злыми завываниями желудка, а легкий ветерок доносил до Аси сладкий запах печеной картошки.

– На печи повесь. – Старуха на появление девушки отреагировала небрежным взмахом руки. – До завтра высохнет. Голодная?

– Голодная. – Ася кивнула, бросила быстрый взгляд на Алексея и полезла на печь.

На печи было неожиданно просторно, здесь могли бы свободно разместиться сразу два взрослых человека. Наверное, зимой хозяйка спала именно здесь, вот на этом ворохе одеял, под свисающими с потолка низкими сушеных грибов и луковыми косами. А летом перебиралась на полати или вон на ту широкую лавку, стоящую под окном у колченогого стола.

– Есть иди! Нечего тебе там расслаживаться! – послышалось снизу. – Разносолов не обещаю, но уж чем богата...

А ведь она оказалась богата, эта странная отшельница! Гораздо богаче, чем обложённые фашистскими оброками студенецкие да васьковские жители. На столе перед Асей дымились горка золотистой печеной картошки, исходила паром миска с супом, в глиняной плошке лежали яйца, явно не куриные, но тоже довольно крупные. И хлеб! Мягкий, одуряюще ароматный – такой, какого Ася не ела, наверное, с самого начала войны.

– Товарища твоего завтра покормлю. – Старуха мусолила беззубым ртом хлебную корку, а гадюка с интересом рассматривала девушку. – Сегодня ему не нужно.

– Я сама покормлю! – встрепенулась Ася. – Я знаю, как за ранеными ухаживать, у меня тетя санитаркой в больнице работала. До войны, – добавила она, понизив голос.

– Ты, девка, завтра домой потопашь! – Старуха раздраженно взмахнула рукой. – Нельзя тебе тут. Хорошо бы и сегодня ушла, да поздно уже, по свету не доберешься, а на ночь я тебя одну не отпущу.

– Но как же? – Ася уже собралась протестовать, просить хозяйку, чтобы позволила остаться хотя бы до тех пор, пока Алексей не придет в себя. – Я же помочь хочу...

– У тебя мать есть? – вдруг спросила старуха.

– Есть, но я не понимаю...

– А вот и плохо, что не понимаешь! О матери подумай, бесстыдница! Она знает, куда ты подевалась?

– Нет, но я же...

– А те ироды, что с собаками, они просто так болото тревожили?!

– Фашисты?! Нет, фашисты вон за ним вышли. – Ася кивнула на летчика. – Его самолет над болотом сбили, он, наверное, к вашим товарищам летел с важным донесением.

Донесение и в самом деле было, лежало вместе с документами, но Ася читать его не стала, понимала, что не ее ума это дело.

– К каким это моим товарищам? – Старуха перестала жевать, а змея потянулась к Асе.

– К партизанам, – сказала девушка, испуганно косясь на треугольную голову, покачивающуюся всего в нескольких сантиметрах от ее лица. – Они же где-то здесь прячутся, на острове?

– Нет тут никого. – Старуха покачала головой. – Одна я живу. Почти одна, – добавила с какой-то непонятной тоской в голосе. – Мне и фашисты, и партизаны твои без надобности, у меня своих забот хватает. Ясно?

Ася не понимала, какие заботы могут быть важнее борьбы с врагом. Но под немигающим змеиным взглядом покорно кивнула.

– На лавке постелю, – сказала хозяйка безо всякого перехода. – Дверь на замок запиру, и чтобы без меня из хаты до утра не выходила. Чего глядишь? Вот чаю из лесных трав попей. Может, ума прибавится.

Чай из лесных трав был вкусный, Ася угадала только землянику, а все остальное, как ни старалась, не определила. Да и зачем? Главное, что вкусно, гораздо вкуснее того прогорклого, похожего на труху чая, что мамка выменивала в райцентре на яйца.

Наступление вечера Ася проморгала. Вот, кажется, села есть еще при свете солнышка, а сейчас уже темно совсем, на столе свеча горит, а сама она уже не за столом, а на лавке, и голове неловко от того, что под ней что-то колкое.

– Видно, притомилась ты за день, девка, – слышался из темноты голос старухи. – Уснула прямо за столом.

Ася приподняла голову, пытаясь в сплетении теней рассмотреть хоть что-нибудь, но так ничего и не разобрала. Вот странно: голос есть, а хозяйки не видно. Наверное, она уже на печи.

– Да ты спи, спи. Чего подхватила-то? С товарищем твоим все в порядке, я проверяла. Бредил только, все про донесение какое-то твердил, что передать нужно срочно... Кому передать?... Куда?... Гляди, прям как ты – неугомонный! С того света, почитай, вытащили, а ему неймется! Спи, говорю! Вставать завтра рано...

Да, завтра вставать рано, мамка, наверное, уже все глаза выплакала... Мысль эта была какой-то вялой и совсем нетревожной. О маме Ася обычно всегда беспокоилась, а сейчас вот получилось как-то не по-настоящему. И про донесение, о котором бредил ее летчик, совсем не думалось. Важное ведь оно – донесение...

– Спокойной ночи, бабушка, – пробормотала она, поудобнее пристраивая под головой холицовый мешок с сухофруктами, то самое неудобное и колкое, что заменило ей подушку.

– Поглядим еще, какая она спокойная... а ты спи, девонька, утро вечера мудренее. – Слова старухи растаяли в темноте, а Асю тут же уволочило в беспокойный, пахнущий сушеными яблоками сон.

...Она проснулась от тихого стука в дверь, рывком села, затрясла головой, не до конца понимая, где она и что происходит. Вокруг было темно, свечка на столе давно догорела, по босым ногам тянуло сыростью. Стук повторился. А старуха говорила, что живет одна, что нет тут поблизости никаких партизан. А кто ж тогда есть? Не фрицы же, честное слово. Наверное, обманула из конспирации, чтобы Ася поскорее ушла и не путалась под ногами...

Кутаясь в кофту, девушка подошла к двери. Наверное, нужно было разбудить хозяйку, но ведь старуха тоже устала.

– Кто там? – Она прижалась щекой к шершавым доскам, прислушалась.

– Впусти нас. – Голос странный, не мужской и не женский, но ведь голос же. – Ася, открой дверь. – А вот теперь вроде знакомый. Точно знакомый! Это ж Алесь, дядьки Федоса младший сын, тот самый, что в партизанском отряде. И по имени он ее знает... Как же хорошо!

Ася уже потянулась к щеколде, но злое шипение за спиной заставило отдернуть руку. Гадюка молнией метнулась из темноты, обвила вокруг дверной ручки и снова зашипела.

– Да что ж ты за девка такая! – Старуха появилась за Асиной спиной так же внезапно, как и змея, погрозила крючковатым пальцем. – Тебе ж велено было спать, а ты что?..

– Там партизаны. – Ася покосилась на дверь. – Я слышала, там Алесь Прокончик. А вы говорили, что нет тут никого.

– Ну-ка, отойди от двери! – скомандовала хозяйка.

– Но как же? Они же...

В эту же секунду в дверь снова постучали.

– Ася,пусти! Ночь такая холодная...

– Не Алесь это. – Старуха покачала головой. – Чудится.

– Ну как же чудится, если я своими собственными ушами слышала?! И вы тоже слышали! Может, они заблудились на болоте? Может, им помощь какая нужна?

– Заблудились. Тут ты, девка, права. Да только ты им сейчас не помощница. Спать иди.

– Как же можно спать, когда там люди?! – Ася снова попыталась подойти к двери, но гадюка опять предупреждающе зашипела.

– Там не люди. – Старуха схватила девушку за руку, сжала с такой силой, что стало больно.

– Да что вы такое говорите?! – Ася высвободилась из цепких пальцев, бросилась к окошку, заорала во все горло: – Алесь, я здесь!

– Дура девка. – Хозяйка больше не пыталась ее удержать, стояла за спиной, шептала что-то непонятное.

Ася прижалась лицом к стеклу, взглядываясь в клубящееся за окном сизое марево. Вот из тумана выплыл человек, приветственно взмахнул рукой. Телогрейка, ватные штаны, автомат через плечо, пропитанная чем-то черным повязка на вихрастой голове. Только лица не разглядеть, но и без того ясно, что это Алесь.

Бормотание за спиной тем временем становилось все громче, все быстрее. Ася обернулась – старуха юлой вертелась по избежке, присыпая чем-то порог и углы. Последняя жменя³ просыпалась девушке на волосы, припорошила узкий подоконник. Как же это Асю угораздило попасть в гости к сумасшедшей?..

– Бабушка, да что ж вы делаете?! Там же свои! – Ася тряхнула головой, сметая с волос эту сыпучую мерзость, и снова обернулась к окну.

...Он стоял прямо за стеклом и смотрел невидящими мертвыми глазами, за его спиной клубился и извивался гигантскими змеями туман.

– Пусты нас, – прошептали бескровныя губы, и Ася, крепко зажмурившись, заорала во весь голос.

– А ведь и вправду видишь. – На плечо легла высохшая рука. – Ну-ка, от окошка... Иди вон, на лавке посиди, а я с ним сама поговорю.

Старуха оттолкнула парализованную Асю от окна, положила ладони на стекло и, взглядываясь незрячими глазами в лицо ночного гостя, снова что-то зашептала.

Вот почему она Шептуха. Она не хвори заговаривает, а вот таких пустоглазых, неживых заговаривает... От этой мысли глупой и нерациональной Асе вдруг сделалось совсем плохо, земляной пол под ногами вздыбился, а непроглядная темнота накрыла с головой.

³ Жменя – пригоршня (белорус.).

* * *

Матвей проработал в больнице уже без малого две недели. Срок слишком короткий, чтобы освоиться окончательно, но достаточный, чтобы больше разобраться в законах и порядках этого места, понять, кто чем дышит. Проще всего было подстроиться под Петровича. После того, самого первого, инцидента с пациенткой из палаты номер четырнадцать их с Петровичем отношения больше ни разу не выходили за рамки служебных, разговаривали напарники только о работе, а личную жизнь подопечных благоразумно оставляли в стороне.

Всего за какую-то неделю Матвей успел попасть в любимчики к сестре-хозяйке Тихоновне и в опалу к главврачу. Тихоновна полюбила его материнской любовью за аккуратность и вежливость, называла сынком и обещала в следующем месяце выдать почти новую, очень красивую, поступившую в рамках гуманитарной помощи робу. За заботу Матвей презентовал Тихоновне коробку шоколадных конфет и таким вот нехитрым подхалимажем окончательно завоевал ее сердце.

С главным все было намного хуже. То, что радовало Тихоновну, отчего-то вызывало подозрения у доктора Джекила. На отутюженный и накрахмаленный халат Матвея он смотрел с какой-то многозначительной недоверчивостью, настороженно принохивался к недешевому, в общем-то, парфюму, прислушивался к лишней матерщинной колорита речи и однажды, не выдержав, пригласил к себе в кабинет.

Кабинет был под стать хозяину, такой же лощеный и безупречный, с красующимися на стенах дипломами, с портретом Юнга в красном углу, с лаконичной офисной мебелью и белыми жалюзи на окнах. Даже странно, что при кажущейся любви ко всему яркому и веселому, настраивающему на позитивную волну, свою личную территорию главврач обустроил так вот просто и даже блекло. Может, устал от внешней радости?

– Я вот о чем хотел с вами поговорить, дружочек. – Доктор Джекил вальяжно раскинулся в удобном кожаном кресле и снисходительно поглядывал на Матвея, ерзающего на жестком и чертовски неудобном офисном стуле. – Мне хотелось бы понять, что привело вас в мою больницу. – Он так и сказал «моя больница», без тени иронии, с полной уверенностью, что все вокруг целиком и полностью принадлежит ему одному. И от этой наглой самоуверенности Матвей даже пропустил мимо ушей оскорбительное обращение «дружочек».

– В каком смысле – что привело? – спросил он озадаченно.

– Видите ли, э... к сожалению, не помню, как вас зовут...

– Матвей Сергеевич.

– Видите ли, Матвей, – отчество этот гад намеренно пропустил, – я ведь в некотором роде профессионал и в людях разбираться умею.

– Даже в психически здоровых? – с наивной улыбкой уточнил Матвей, которому этот разговор нравился все меньше и меньше.

– А кто сказал, что в нашем мире есть хоть один стопроцентно психически здоровый человек? – Доктор Джекил растянул губы в вежливой усмешке. – При желании патологию можно найти у каждого.

– При чем желании? – От слов Стешко и его гаденькой усмешки вдруг повеяло развитым коммунизмом с его принудительной психиатрией.

– Это я образно выражаясь. – Главврач пожал плечами, достал из ящика стола жестяную коробку монпансье, сунул несколько конфеток в рот, а жестянку придвинул Матвею. – Угощайтесь, дружочек.

Вот сейчас за «дружочка» Матвей был готов набить этому самодовольному уроду морду, но взял себя в руки, вспомнив о том, что им с Галкой просто до зарезу нужны деньги. Надо

просто не забывать, что перед ним типичный манипулятор, и не позволять втягивать себя в эти непонятные психиатрические игры.

– Спасибо, Егор Васильевич, вы очень любезны. – Монпансье было таким кислым, что свело скулы. Или это не от монпансье?.. – Так что конкретно вас интересует? – Проглотив превратившуюся в серную кислоту слюну, Матвею удалось даже улыбнуться.

– Меня интересует, что такой интересный и образованный молодой человек делает в таком неинтересном месте, как моя больница. – Доктор Джекил смотрел поверх стильных очков, и взгляд его Матвею очень не нравился.

– Обстоятельства, Егор Васильевич. – Парень неопределенно развел руками. – Вынужденные обстоятельства.

– Обстоятельства какого характера? – продолжал допытываться главврач.

– Личного. – Матвей разгрыз конфету и не смог удержаться от мучительной гримасы. – Семейного, если хотите.

– То есть вы у нас, так сказать, транзитом?

– Однозначно. Как только обстоятельства изменятся...

– ...Вы нас покинете, – закончил за него главврач.

– Покину. – А что ж кривить душой и врать такому-то проницательному человеку?! Неделька-другая – и, даст бог, Матвей забудет это неприятное место как страшный сон. – Но, уверяю вас, на качестве моей работы этот факт не отразится никоим образом, – поспешил он заверить доктора Джекила. Все-таки недельку-другую ему нужно продержаться, и незачем наживать таких влиятельных врагов.

– Вы, наверное, студент? – Стешко сдернул очки с узкого, почти лишенного ноздрей носа, старательно протер стекла замшевой тряпицей и, не дожидаясь ответа, продолжил: – Студент, но не медицинского вуза. Какого-нибудь технического. Учитесь на заочном. Я прав? – Последняя фраза прозвучала не как вопрос, а как утверждение, и Матвей не стал разочаровывать собеседника.

– Вы поразительно проницательный человек, Егор Васильевич.

– И ваши личные обстоятельства явно финансового плана? – Главврач удовлетворенно кивнул. – Вы лудоман?

– Простите, кто я? – растерялся Матвей, который до сего часу свято верил, что внешность у него самая благопристойная и не намекающая ни на какие порочные пристрастия.

– Лудоман – игрок, азартный человек. Я таких по глазам вижу. Вы же и мою клинику выбрали не просто так, а из-за этого вот драйва, из-за потребности в адреналине. Ведь я просто уверен, что вы, дружок, могли найти работу попрестижнее.

Насчет азарта это он прямо в точку! Матвей покаянно покачал головой. И про стесненность в финансах тоже в точку. Просто не психиатр, а ясновидящий!

– Вы, наверное, сейчас гадаете, зачем это я вас вызвал? – На лощеной морде главврача расцвела обаятельная улыбка. – А к тому, что вы, дружок, у меня на заметке и терплю я ваше присутствие исключительно из-за кадрового голода и тотальной нехватки младшего медицинского персонала. Но имейте в виду, если только... – Что именно «если только», он не договорил, многозначительно помахал пальцем перед носом у Матвея. – Уволю без малейшего сожаления, с волчьим билетом!

О как! Прямо с волчьим билетом! Это чем же он так не угодил надежде отечественной психиатрии?! Уж точно не своей потенциальной склонностью к азартным играм. Вывод напрашивался один-единственный: считающий себя альфа-самцом доктор Джекил не желал пущать на свою территорию конкурента. Проще управляться с безответными, потерявшими и спившимися, чем с теми, кто еще не растерял самоуважение и не пропитался старательно культивируемым в этом убогом месте чинопоклонством.

Матвею хватило всего нескольких недель, чтобы понять – Стешко в больнице боялся все, от врачей до сестры-хозяйки Тихоновны. Вот даже странно – вроде в облике главврача нет ничего злодейского, вроде бы с виду милейший и добрейший юноша, но копни поглубже, и вся его сволочная суть прямо перед глазами. Худший тип руководителя, из породы тихушников, тех, кто мягко стелет, да жестко спят. Даже почти ко всему равнодушный Петрович еще в первый день знакомства предупредил Матвея, чтобы с главным не задибался, вел себя тише воды, ниже травы. Конечно, это в том случае, если работа ему дорога. Матвею работа была дорога, в некотором смысле даже очень, поэтому под пронзительным взглядом доктора Джекила он вполне правдоподобно смутился и даже, кажется, покраснел.

Наверное, подобное смирение главврача удовлетворило, потому что он сунул свои кислую леденцы обратно в стол и сказал, уже не глядя на Матвея:

– Рад, что мы достигли консенсуса. Это значительно облегчит жизнь. – Чью именно жизнь, он уточнять не стал, видимо, считая это вполне очевидным. – Свободны!

Матвей не без радости вскочил с неудобного, ну точно пыточного, стула и уже направился к двери, когда доктор Джекил вдруг его окликнул:

– И еще один момент, дружочек... – Он многозначительно откашлялся. – В моей клинике все пациенты находятся в равных условиях, а если у кого-то и есть особые привилегии, то даровать их могу только я один.

– Привилегии? – Уже взявшийся за ручку двери Матвей медленно обернулся, с удивлением посмотрел на главврача.

– Я говорю о пациентке из четырнадцатой палаты, о вашем особенном к ней отношении. Вы имеете наглость вмешиваться в лечебный процесс.

– Я?! – Матвею даже не пришлось изображать удивление, заявление доктора Джекила убило его наповал.

– Вы, дружочек! – Главврач брезгливо поморщился. – Кто позволил вам принести пациентке краски?

Вот уж действительно вмешательство в лечебный процесс – замена черного угля на веселые краски! Теперь каракули девочки стали гораздо более оптимистичными, однажды она даже нарисовала его, Матвея, портрет. Во всяком случае, ему хотелось видеть именно себя в том абстрактном, по-детски наивном желто-оранжевом человечке.

– Если вы о том, что она может пораниться кистью, то это напрасно, – после секундных раздумий сказал он. – Пациентка рисует пальцами, краска детская, пальчиковая, совершенно безопасная даже в том случае, если кому-то вдруг захочется попробовать ее на вкус. Опять же, говорят, арт-терапия очень полезна.

– Краски забрать! – рявкнул доктор Джекил. – Сегодня же! Прямо сейчас! Кто вам сказал, что вы разбираетесь в таких вещах?! Вы санитар, технический персонал, а не врач! Ясно вам?!

– Ясно. – Матвей нехотя кивнул. – Уголь тоже забрать?

– Уголь пусть остается! Идите уже, мне еще в облздрав ехать!

Матвей шел по гулкому коридору и размышлял над услышанным. Интересное получается кино: яркие краски пациентке навредят, а черный уголь поможет. Сам он думал совершенно иначе и именно по этой причине оставил в палитре только веселые и жизнерадостные цвета, выбросив темные и унылые. Надо сказать, сначала девочка отказывалась рисовать его красками, даже в руки их не брала, но потом вдруг передумала, и одним солнечным утром он увидел на ее прикроватной тумбочке свой портрет. Это ли не доказательство эффективности его метода?! Странно, что доктор Джекил отказывается замечать очевидное.

Он вообще странный, этот главврач. Петрович говорил, что они с Аленой Михайловной однокурсники и друзья, что никто так не радеет о ее душевном здоровье, как он. Вот только на деле все выглядит совершенно иначе. И не нужно быть особенно проницательным, чтобы понять, что движет главврачом отнюдь не сострадание. Понять бы еще, что означает тот шаль-

ной огонек, который загорается в его блеклых глазах при виде пациентки из блатной палаты номер четырнадцать. Матвей пока не понимал, но очень надеялся разобраться в самое ближайшее время. Можно было бы и не разбираться, но как-то уж больно все странно. Гораздо страннее, чем казалось на первый взгляд...

Ася. 1943 год

Ася пришла в себя, когда в окошко избушки уже лился мутный свет зарождающегося утра. Она снова лежала на лавке, и под головой у нее был мешок с сушеными яблоками. Старуха сидела тут же, за столом, пересыпала из ладони в ладонь что-то белое и шептала свои непонятные слова.

– Очнулась? – Гадюка зашипела, скользнула по столу к Асе, а старуха даже не обернулась. Да и зачем ей оборачиваться, если она и так все видит?..

– Очнулась. – Ася потерла разламывающиеся от боли виски, страшась выглянуть в окно, спросила: – Кто это был, бабушка?

– Ты про тех, кого чуть в гости не позвала? – Старуха ссыпала белый порошок в кисет, завязала крепко-накрепко, поставила на край стола.

– Там Алесь был, дядьки Федоса младший сын... – Воспоминания рождались в муках, делая головную боль совсем уж невыносимой. – Только он странный какой-то...

– Странный, потому что мертвый. Убили твоего Алесь...

– Мертвый?! Но как же? Я же видела...

– Видела. – Старуха кивнула, а потом костлявым пальцем постучала Асе по лбу. – Вот и диво, что ты видела. Их обычно никто не видит, если только слышит. А ты вон какая пряткая! Даже зелье сонное тебя не взяло.

– Кого никто не видит? – Где-то в глубине души Ася уже все понимала, но отказывалась верить.

– Мертвых. – Гадюка с тихим шипением обвилась вокруг кисета, зыркнула на девушку желтым глазом. – Думала, это только мой крест, думала, других таких уже нет. – Старуха погладила гадюку по голове. – А ты тоже, выходит, зрячая.

– Он мертвый был, Алесь? Может, раненый только?

– Ты вочы⁴ его видела? Живые то были вочы?

– А остальные? Там же еще были... Тени...

– Те тоже мертвые, только померли давно, потому и забыли, как выглядели до смерти, а этот твой... только вчера представился, вот и помнит себя живым.

– Но не бывает же так! – крикнула Ася.

– А ты не ори, девка! – зашипела старуха. – Молодая еще на меня орать.

– Но как же, бабушка? Почему? – Весь ее мир, все, во что она верила и чем жила, рухнул в одночасье из-за того, что разум искал и не находил взаимопонимания с сердцем. Разум твердил, что все это враки, а сердце просто знало.

– Места тут особенные. – Старуха щелкнула пальцами, и гадюка послушно перебралась ей на плечо. – Гиблые. Ты знаешь, сколько в дрыгве народу сгинуло? Много! Ненасытная она, все, что забрала, назад не отпускает.

– Что не отпускает? – спросила Ася холодеющими губами.

⁴ Вочы – глаза (белорус.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.